

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

Шалфеев П.И.

**СВ. ГРИГОРИЙ
БОГОСЛОВ
КАК УЧИТЕЛЬ ВЕРЫ**

Христианское чтение, 1861, I,
отд. 2, с. 265—324

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

II.

СВ. ГРИГОРІЙ БОГОСЛОВЪ, КАКЪ УЧИТЕЛЬ ВѢРЫ (1).

Въ то время, когда лжедогматы Арія, Евномія, Аполлинарія, духоборцевъ и другихъ еретиковъ съ ужасающею силою волновали Востокъ и Западъ, въ ряду первыхъ защитниковъ православной ВѢры и Церкви явился человѣкъ, родомъ изъ незначительнаго мѣстечка каппадокійской области, Аріанза, въ простой и бѣдной одеждѣ, съ станомъ нѣсколько сгорбленнымъ, съ головою, почти непокрытою волосами, съ некрасивымъ складомъ лица, изнуреннаго слезами, постомъ и бѣднѣемъ, съ руками, загрубѣвшими отъ черныхъ работъ, съ грубымъ каппадокійскимъ произношеніемъ (2); но съ рѣдкими дарованіями ума, съ глубокимъ и основательнымъ знаніемъ св. Писанія и твореній отеческихъ, съ изумительнымъ запасомъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, какія до тѣхъ поръ «собрали Востокъ и Западъ и краса Эллады Аѳины» (3), съ краснорѣчіемъ строгимъ, рѣзкимъ и величественнымъ, съ душою пылкою и прямою, несумѣвшею привязываться къ чему бы то ни было на половину и чув-

---

(1) Статья эта предлагается вниманію читателей, какъ опытъ изложенія ученія св. отцевъ въ Истристикѣ.

(2) Твор. св. Григорія В. въ русск. пер. ч. 3, стр. 172; спес. письмо *Василія В.* 14.

(3) Твор. Григорія ч. 4, стр. 281.

ствовать что бы то ни было слегка. Это былъ св. Григорій, сынъ Григорія и Нонны, у Бога испрошенный своею матерію и еще прежде рожденія посвященный Ему; какъ нѣкогда Самуиль. Вся жизнь его, согласно съ объѣтомъ матери, была одушевлена однимъ главнымъ стремленіемъ—къ тому, чтобы, по его собственнымъ словамъ, «какбы замкнувъ чувства, отрѣшившись отъ плоти и міра, собравшись въ самага себя, безъ крайней нужды не касая ничего человѣческаго, бесѣдуя съ самимъ собою и съ Богомъ, жить превыше видимаго и носить въ себѣ божественные образы, всегда чистые и несмѣшанные съ земными и обманчивыми образами, быть и непрестанно дѣлаться истинно чистымъ зеркаломъ Бога и божественнаго, пріобрѣтать ко свѣту свѣтъ, къ менѣе ясному лучезарнѣйшій, упованіемъ уже пожинать блага будущаго вѣка, сожителъствовать съ ангелами и, находясь еще на землѣ, оставлять землю и возноситься духомъ горѣ» (¹). Углубляться умомъ въ богооткровенныя истины; раскрывать и уяснять ихъ себѣ, сколько было возможно, для св. Григорія было выше всѣхъ наслажденій въ жизни.—Сладость созерцанія, наполнявшаго его душу священнымъ восторгомъ, дѣлала для него пустыню настоящимъ раемъ,—и много душевныхъ мукъ испытывалъ онъ, когда неотступныя просьбы тѣхъ, съ кѣмъ онъ связанъ былъ узами родства, дружбы, или Вѣры, отрывали его отъ бесѣдованія съ Богомъ и самимъ собою въ совершенномъ безмолвіи (²). А эти перерывы между тѣмъ случались въ его жизни такъ часто и продолжались иногда такъ долго! Пустыня была для него тѣмъ дороже, что

(¹) Ч. 1, стр. 20.

(²) Ч. 4, стихотвореніе о самомъ себѣ.

виѣ ея онъ обыкновенно «былъ бить или камнями или друзьями» (1), какъ онъ самъ энергически выражается. Потому-то, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній: «желалъ бы я стать или легкокрылымъ голубемъ или ласточкой, чтобы бѣжать оттуда, гдѣ живутъ люди, и поселиться въ какой нибудь пустынѣ и жить въ одномъ убѣжищѣ со звѣрами, потому что они вѣрнѣе людей. Тамъ желалъ бы я провести свою однодневную жизнь безъ слезъ, безъ страха наказаній и безъ заботъ, имѣть одно преимущество предъ звѣрами—умъ, который вѣдаетъ Божество и небошественъ. Тамъ среди спокойной жизни я собиралъ бы свѣтъ ко свѣту» (2). «Иные уважаютъ или золото или серебро или продолжительную трапезу—эти дѣтскія забавы въ настоящей жизни; а другимъ дороги или прекрасныя шелковыя ткани, или поля, засѣяныя пшеницею, или стада четвероногихъ. Но для меня великое богатство—Христось. О, если бы мнѣ когда увидѣть Его чистымъ, неприкровеннымъ умомъ! Прочимъ же пусть владѣетъ міръ!» (3). Но чѣмъ пламеннѣе онъ стремился къ вѣдѣнію Бога и чѣмъ болѣе приобращалъ его, тѣмъ съ большею горестію чувствовалъ недостаточность своего вѣдѣнія и слабость своихъ силъ постигнуть Безпредѣльнаго. «Мать моя—такъ въ одномъ стихотвореніи Григорій оплакиваетъ свой умъ, чувствуя, что онъ не можетъ выйти изъ положенныхъ для него здѣсь предѣловъ богопознанія—мать моя, для чего ты родила меня, когда я не могу ни мыслию постигнуть, ни изречь Бога, сколько желаю? Осіяло, правда, очи ума моего малое какое-то озареніе пренебесной, равносвѣт-

(1) Ч. 5, *эпитафія самому себѣ*.

(2) Ч. 4, стр. 321.

(3) Ч. 5, стр. 20.

лой Троицы; но большая часть, къ скорби моей, ускользнула отъ меня прежде, нежели насытился я свѣтомъ. А если бы здѣсь я могъ постигнуть Тебя, возлюбленная Троица; то не сталъ бы жаловаться на родившую меня утробу матери: это значило бы, что я родился въ добрый часъ. Но спаси, спаси меня, Божіе Слово,—и, извлеки изъ горькой тины, веди въ иную жизнь, гдѣ чистый умъ, непокрываемый болѣе примрачнымъ облакомъ, ликуетъ предъ Тобою, о Пресвѣтлый» (1).

Потому-то, съ одной стороны, св. отецъ, при разсужденіи о догматахъ Вѣры, отличается необыкновенною смѣлостію. Его умъ нерѣдко прямо направляется къ рѣшенію такихъ вопросовъ, предъ трудностію которыхъ другіе отцы Церкви рѣшительно отступаютъ. Правда, иногда не просто благоговѣніе, а даже благоговѣйный трепеть проникаетъ душу Григорія, когда онъ приступаетъ къ изслѣдованію истинъ Вѣры; но его любовь къ созерцанію, послѣ болѣе или менѣе продолжительной борьбы, всегда беретъ свое,—и онъ отказывается въ изслѣдованіи догматовъ идти впередъ только тогда, когда не видитъ къ тому никакой возможности. Колебаніе своего духа предъ углубленіемъ въ таинства Вѣры, и вмѣстѣ рѣшительность прекрасно выразилъ онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. «Въ трепеть приходитъ мой умъ, — говоритъ онъ, — приступая къ небеснымъ красотамъ: стало предо мною темное облако, и недоумѣваю, простирать ли впередъ, или остановить мнѣ слово. Вотъ путникъ пришелъ къ крутоберегой рѣкѣ и хочетъ ее перейти: но вдругъ поколебалось намѣреніе, онъ медлитъ своею переправой, долго борется въ сердцѣ, стоя на бе-

(1) Ч. 3 стр. 11; снес. ч. 3, стр. 132.

регу; то необходимость влагаетъ въ него смѣлость, то страхъ связываетъ рѣшимость; не разъ заносить онъ ногу свою въ воду и не разъ отступаетъ назадъ; однакоже послѣ всей борьбы нужда побѣждаетъ страхъ» (1). Своею смѣлостію, при разсужденіи о догматахъ, св. Григорій живо напоминаетъ Оригена; только онъ гораздо счастливѣе этого учителя въ своихъ попыткахъ уяснять для себя предметы темные; такъ какъ всегда остается въ надлежащихъ границахъ умозрѣнія (2), и, безъ сомнѣнія, потому, что, по его собственнымъ словамъ, онъ постоянно «имѣлъ руководителемъ Духа и съ Нимъ, какъ искреннимъ участникомъ и собесѣдникомъ, проходилъ настоящій вѣкъ» (3). Смѣлость умозрѣнія высказывается у св. Григорія и въ его языкѣ. Онъ обыкновенно говорить, какъ вдохновенный, сильно, рѣшительно, не боясь за то, что люди злонамѣренные перетолкуютъ его слова въ ущербъ ихъ смыслу. Напримѣръ, чтобы выразить мысль о близости разумной природы къ Богу, онъ не затрудняется сказать, что ангелъ есть нѣкоторая струя божественнаго свѣта, или что душа человѣческая есть частица божественная, а человѣкъ персть соединенная съ Божествомъ, богъ (4). Съ высоты истиннаго богосло-

(1) Ч. 4, стр. 236; снес. стр. 215, 352 и мн. др.

(2) Vid. Basil. M. ep. 8; August. I. 1, contr. Julian, cap. 5.

(3) Ч. 3, стр. 132—133.

(4) Ч. 3, стр. 275; ч. 1, стр. 263; ч. 3, стр. 276. «Не для того ли Богъ ввелъ насъ въ сію борьбу и брань съ тѣломъ, чтобы мы, будучи частию Божества, не превозносились...» (ч. 2, стр. 7)?—«Кто возмется въ одинъ день образовать защитника истины, который долженъ... возстановлять образъ Божій, творить для горняго міра, и скажу болѣе—быть богомъ и творить боговъ» (ч. 1, стр. 62; снес. ч. 4, стр. 230)? «Если низко будешь о себѣ думать; то я напомню тебѣ, что ты Христова тварь, Христова дыханіе, Христова дорогая часть, а потому вмѣстѣ небесный и земной, приснопамятное твореніе,—созданный богъ»

ва, котораго изображаетъ Моисеемъ стоящимъ на Синаѣ, св. Григорій своимъ неискреннимъ и злонамѣреннымъ слушателямъ говорить вотъ что: «кто злой и неукротимый звѣрь и вовсе неспособенъ вмѣстить въ себѣ того, что предлагается въ умозрѣніи и богословіи, тотъ не скрывайся въ лѣсу, съ тѣмъ коварнымъ умысломъ, чтобъ, напавъ нечаянно, подхватить какой нибудь догматъ или какое нибудь слово, и своими хулами растерзать здоровое ученіе; но стань дальше, отступи отъ горы; иначе такой *каменіемъ побіенъ* и сокрушенъ *будетъ* (Евр. 12, 20), *злый зль погибнетъ* (Матѣ. 21, 41), потому что истинныя и твердо основанныя ученія для людей, похожихъ правами на звѣрей, тоже, что камни»....⁽¹⁾.

Съ другой стороны пламенный и необыкновенно даровитый любитель созерцанія, св. Григорій естественно является въ немъ самостоятельнымъ. Во все, что онъ находилъ въ словѣ Божіемъ, въ твореніяхъ отеческихъ и въ произведеніяхъ ви́шней (свѣтской) мудрости, во все это онъ вдумывался глубоко, все это перерабатывалъ своимъ любознательнымъ умомъ и *усвоилъ* до того, что его ученіе, будучи вселенскимъ, есть въ тоже время его собственное ученіе, — будучи плодомъ Духа, въ тоже время есть плодъ и его собственнаго умозрѣнія. Встрѣчающіяся по мѣстамъ положенія языческихъ философовъ, въ особенности Платона, являются у него не отрывочно, а сплоченныя и объединенныя самостоятельною работою его христіански-философской мысли. Главная и существенная особенность его умозрѣнія состоитъ въ томъ,

(ч. 4, стр. 256). «(Христось) стезей узкой и трудной приводитъ къ Богу меня—бога изъ земли сотвореннаго, а не рожденнаго, и изъ смертнаго ставшаго безсмертнымъ» (ч. 4, стр. 295). См. и мн. др. мѣста.

⁽¹⁾ Ч. 3, стр. 17—18: снес. ч. 4, стр. 215—216.

что о чемъ бы онъ ни разсуждалъ изъ ученія о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ и ихъ взаимномъ отношеніи, у него мысль объ умѣ и созерцаніи, о свѣтѣ и озареніи или сіяніи, какъ образахъ ума и созерцанія, всегда стоитъ на первомъ планѣ и, при рѣшеніи трудныхъ вопросовъ, почти всегда выводитъ его изъ затрудненія. Это, можно сказать, его уголь зрѣнія на предметы, при которомъ его ученіе получаетъ необыкновенную возвышенность. И при разсматриваніи этого ученія, нельзя не имѣть въ виду такой особенности его; иначе многое въ словахъ св. отца останется непонятымъ, или же и вовсе ускользнетъ отъ вниманія. Такимъ образомъ и умозрѣніе св. Григорія проникнуто тою же самою мыслию, какою—и вся его жизнь,—мыслию о созерцаніи ума; Григорій—*умъ* по своей жизни, *умъ* и по своему ученію (¹). Между тѣмъ, съ живѣйшею любовію предаваясь возвышеннымъ созерцаніямъ ума, онъ по тому же самому и съ тою же любовію искалъ для нихъ и соотвѣтствующихъ имъ формъ въ словѣ,—высоко цѣня умъ, онъ столько же дорожилъ и даромъ слова. «Я органъ Божій, говоритъ онъ, и въ благозвучныхъ пѣснопѣніяхъ приношу славословіе Царю, предъ которымъ все трепещетъ. Я пою не Трою, не счастливое плаваніе какого нибудь корабля Арго, не свиную голову, не могучаго Иракла, не обширный кругъ земли, какъ онъ опоясанъ морями, не блескъ камней, не пути небесныхъ свѣтилъ. Пою не неистовство страстей, не красоту юношей, въ честь которыхъ бряцала изнѣженная лира древнихъ. Нѣтъ, я воспѣваю царству-

---

(¹) Еще въ X в. Василій, архіепископъ кесарійскій, писалъ императору Константину: «что можетъ быть для тебя пріятнѣе того, чтобы видѣть и слышать Григорія и рѣчи о Григоріѣ—*умъ*» (Bandini Fasciculus rerum ecclesiasticarum, 8. Florentiae 1763)?

ющаго горѣ великаго Бога, или же сіяніе пресвѣтлой моей во едино сочетаваемой Тронцы. Воспѣваю высокія громогласныя пѣсни ангельскихъ ликовъ, какія они, предстоя Богу, возглашаютъ попеременно. Воспѣваю стройность міра, еще болѣе совершенную, нежели какова настоящая,—стройность, которой я ожидаю, потому что все стремится къ единству. Воспѣваю нетлѣнную славу Христовыхъ страданій, которыми Христосъ обожилъ меня, срастворивъ человѣческій образъ съ небеснымъ. Воспѣваю смѣшеніе, усматриваемое во мнѣ; такъ какъ я не какое нибудь легко объяснимое произведеніе; я—произведеніе, въ которомъ смертный сопряженъ съ небеснымъ. Воспѣваю законъ Божій, данный человѣкамъ, и все дѣла міра, также цѣли и конецъ того и другаго, чтобы ты одно соблюдалъ въ сердцѣ своемъ, а отъ другаго бѣжалъ дальше прочь и трепеталъ грядущаго дня. Для всего этого языкъ мой долженъ быть, какъ гусли» (1). Потому-то св. Григорій выработалъ себѣ свой, оригинальный, возвышенный языкъ, поэтому самому чрезвычайно трудный для перевода; его рѣчь слагается изъ словъ и выраженій отборныхъ, имѣющихъ опредѣленный, обдуманый строй и указывающихъ на заботливость Богослова, чтобы какъ вся рѣчь, такъ и каждое его слово были достойнымъ выраженіемъ высокихъ мыслей. Блаженный Иеронимъ въ языкѣ Григорія видѣлъ сходство съ языкомъ знаменитаго софиста Палемона, о которомъ Филостратъ говоритъ, что рѣчь его «отзывается колкостью звучною, какъ олимпійская свирѣль» (2). Это сходство, дѣйствительно существующее, отнюдь не мѣшаетъ ей быть вполне

(1) Ч. 4, стр. 330 — 351.

(2) *Hieron. de vir. illustr.*, n. 117; cfr. *Philostrati de vita Sophistarum*, 1, 25.

оригинальною. Потому-то, далѣе, св. Григорій не имѣлъ обыкновенія говорить слова свои безъ приготовленія; мало того, ниша объ одномъ и томъ же въ другой разъ, онъ, случилось, написанное имъ прежде буквально повторялъ цѣлыми отрывками (1), а не отдѣльными только выраженіями (2): въ сочиненіяхъ другаго писателя это было бы слѣдствіемъ слабости его дарованій, а въ твореніяхъ Григорія это служитъ только свидѣтельствомъ, что онъ чрезвычайно былъ разборчивъ въ выборѣ формъ для мысли и заботливо отливала ее въ ту только форму, которую находилъ самою лучшею изъ множества другихъ.

Соображая все это, мы легко поймемъ, почему древность упрочила за однимъ Григоріемъ названіе *Богослова*, и почему онъ имѣлъ такое огромное вліяніе на умы современниковъ, о которомъ Руфинъ, самъ находившійся подъ этимъ вліяніемъ, говоритъ слѣдующее: «Григорій, мужъ несравненный во всѣхъ отношеніяхъ, славный словомъ и дѣлами, доставилъ блистательнѣйшій свѣтъ знанія церквамъ Иисуса Христа; онъ показалъ ученіе, равное своей жизни... Ничего нѣтъ честиѣе и свѣтлѣе его жизни, извѣстнѣе его краспорѣчія, чинце и правѣе его вѣры, полнѣе и совершеннѣе его знанія, такъ какъ онъ одинъ только таковъ, что о его вѣрѣ не могли, какъ обыкновенно бываетъ, спорить и несогласныя между собою партіи,—и та его заслуга предъ Богомъ и Божиими церквами, что кто ни осмѣлится допустить что-либо, несогласное въ вѣрѣ съ Григоріемъ, тѣмъ самымъ обли-

(1) Снес. ч. 1. стр. 20 и ч. 2, стр. 163; ч. 3, стр. 239 и ч. 2, стр. 165; ч. 3, стр. 238—246, Слово на Богоявленіе, и ч. 4, стр. 134—162, Слово на свягую Пасху.

(2) Особенно любимыхъ выраженій у св. Григорія не мало; съ нѣкоторыми мы встрѣтимся при самомъ изложеніи его ученія.

часть уже себя въ томъ, что онъ самъ еретикъ. Ясный знакъ, что человекъ не держится правой вѣры, если онъ не согласенъ въ вѣрѣ съ Григоріемъ» (1). Но Григорій и самъ сознавалъ, какъ высоко стоялъ онъ въ ряду своихъ современниковъ и какое могущественное вліяніе могъ имѣть своимъ богословіемъ на умы, хотя былъ чуждъ самомнѣнія до того, что, по его собственнымъ словамъ, «и во снѣ никогда не служилъ гордости и не поднималъ высоко бровей» (2). Такое сознаніе особенно высказалось въ его прощальномъ словѣ Константинополю, въ которомъ онъ своими трудами воскресилъ православіе, и съ которымъ разставался, чтобы только, для блага Церкви, утишить волны страстей, устремленныхъ на него лично. «Прости Анастасія, такъ говорилъ онъ въ заключеніе своего слова, прости Анастасія, получившая наименованіе отъ благочестія..! Прости мѣсто общей побѣды, Силомъ, въ которомъ сначала мы прочно поставили скинію, сорокъ лѣтъ носимую и блуждавшую по пустынѣ! Прости, высокій славный храмъ, новое наслѣдіе, храмъ, получившій настоящее величіе отъ Слова,—храмъ, который прежде былъ Іевусомъ, а чрезъ меня сдѣланъ Іерусалимомъ! Простите и прочіе храмы, близкіе по красотѣ къ Анастасіи,—храмы, подобно узамъ связующіе разныя части города и присвоенные той части, которая съ каждымъ сосѣдственна, — храмы, которые наполнилъ не я, имѣющій столько немощи, но наполнила благодать со мною отчаяннымъ!.. Простите любители рѣчей моихъ, быстро и шумно стекавшіеся отовсюду, и эти трости скорописцевъ, пишущихъ явно и тайно, и эта рѣшетка, едва

(1) Rufini Aquil. Prolog. in libros Gregor. Nazianz. ab ipso translato. Vid. ap. Billium Opp. S. Gregor. t. 1, p. 726 — 727.

(2) Ч. 4, стр. 329.

выдерживавшая напоръ тѣснившихся къ ней слушателей! Простите цари, и царскія палаты, и сановитые слуги царскіе, не знаю, вѣрны ли царю, а Богу большею частію невѣрны! Бейте въ ладоши, вопите громче, поднимайте оратора вашего вверхъ! Умолкъ для васъ злой и говорливый языкъ. Правда, онъ еще не совсѣмъ умолкнетъ и будетъ еще сражаться съ вами рукою и тростию; но въ настоящее время онъ умолкаетъ... Простите, Востокъ и Западъ! За васъ и отъ васъ мы терпимъ нападеніе: свидѣтель тому Тотъ, который примиритъ насъ... Прости (*χχίρε μι*) Троица, мое помышленіе и украшеніе! О, если бы Ты сохранилась у нихъ и сохранила ихъ — этотъ народъ мой (вѣдь онъ — мой, хотя жизнь моя и располагается иначе); о, если бы мнѣ слышать, что Тебя постоянно возносятъ и славятъ у него и словомъ и жизнію! Чада, *сохраните преданія* (1 Тим. 6, 20); помните, какъ побивали меня камнями», (1).

Обратимся теперь къ самому богословію св. Григорія и посмотримъ, во-первыхъ, какъ онъ училъ о Богѣ Самомъ въ Себѣ.—По его ученію, Богъ есть высочайшій, безконечный Умъ или Свѣтъ,—эти слова для него однозначительны. Однакожь, называя Бога обыкновенно Умомъ или Свѣтомъ, св. отецъ отнюдь не представляетъ Его мыслию или какою-то неопредѣленною разумною дѣятельностію, но разумнымъ бытіемъ, лицомъ. «Богъ, говоритъ онъ, есть свѣтъ высочайшій, неприступный, неизглаголанный, ни умомъ непостигаемый, ни словомъ неизречаемый, просвѣщающій всякую разумную природу, тоже—въ духовномъ мірѣ, что—солнце въ чувственномъ, по мѣ-

(1) Ч. 4, стр. 48—51; свес. ч. 5, стр. 256; т. 4, стр. 329—323, совъ о храмѣ Анастасіи.

рѣ нашего очищенія представляемый, по мѣрѣ представленія возбуждающій къ Себѣ любовь и по мѣрѣ любви вновь умопредставляемый, только самъ для Себя созерцаемый и постижимый, а на существующее внѣ Его мало изливающійся» (1). Но этотъ высочайшій Умъ, этотъ умопредставляемый Свѣтъ не только единъ, но вмѣстѣ Тріединъ. «Говорю же, продолжаетъ св. отецъ, о Свѣтѣ, созерцаемомъ во Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ, которыхъ богатство въ соестественности и единомъ исторженіи свѣтлости» (2). «Когда произношу слово: Богъ; вы озаряйтесь единымъ и тройственнымъ свѣтомъ,—тройственнымъ въ отношеніи къ особеннымъ свойствамъ или къ Упостасямъ,—единымъ же въ отношеніи къ понятію сущности и слѣдственно Божества» (3). Такимъ образомъ, учитъ св. отецъ, одинъ высочайшій Свѣтъ является въ трехъ Свѣтахъ; однакожъ Троица нераздѣльна, хотя Отецъ, Сынъ и Святой Духъ — не одни имена, а Упостаси. «Неслитность трехъ Упостасей соблюдается въ единомъ естествѣ и достоинствѣ Божества. Сынъ не Отецъ; потому что Отецъ одинъ, но тоже, что Отецъ. Духъ не Сынъ, хотя и отъ Бога, потому что едиnorodный одинъ, но тоже, что Сынъ. И Три едино по Божеству; и Единое— три по личнымъ свойствамъ, такъ что нѣтъ ни единого, въ смыслѣ Савелліевомъ, ни трехъ, въ смыслѣ пинѣшняго лукаваго раздѣленія» (4). «Не успѣю помыслить о Единомъ, какъ озаряюсь—Тремя. Не успѣю раздѣлить Трехъ, какъ возношусь къ Единому» (5). Какія же свой-

(1) Ч. 3, стр. 275.

(2) Тамъ же.

(3) Ч. 3, стр. 261.

(4) Ч. 3, стр. 210.

(5) Ч. 3, стр. 316.

ства служить отличіемъ одного Лица отъ другаго? «Личныя свойства, говоритъ Богословъ, принадлежатъ Имъ исключительнымъ образомъ, именно: Сыну—сыновство, Духу же — исхождение, а не сыновство... Отецъ есть истинно Отецъ и въ смыслѣ гораздо болѣе истинномъ, нежели какъ именуется наши отцы; потому что Онъ Отецъ въ единственномъ смыслѣ, т. е. своеобразно, а не по подобію плотскихъ отцевъ,—Отецъ единственный, т. е. не въ сочетаніи съ кѣмъ—либо,—Отецъ единственнаго Сына, т. е. едиnorodнаго,—Отецъ исключительно, т. е. не бывший прежде Сыномъ,—Отецъ всецѣло и всецѣлаго Сына (чего достовѣрно нельзя сказать о нашихъ отцахъ),—Отецъ изначала, т. е. не въ послѣдствіи сдѣлавшійся Отцемъ. Сынъ есть истинно Сынъ; потому что Онъ единственный Сынъ единственнаго Отца, Сынъ въ единственномъ смыслѣ и исключительно, а не вмѣстѣ и Отецъ,—Сынъ всецѣло и всецѣлаго Отца, — Сынъ изначала, а не начавшій когда-либо быть Сыномъ; потому что не вслѣдствіе премѣненія совѣтовъ Его Божество, и не вслѣдствіе преуспѣянія Его обоженіе, такъ чтобы Отецъ не былъ когда-либо Отцемъ и Сынъ—Сыномъ. Духъ Святой есть истинно Святой; потому что никто другой не святъ такъ и въ такой мѣрѣ, и святость Духа не есть что-либо придаточное, но самоисточное...» (1).

При этомъ разумъ естественно можетъ предложить себѣ такіе вопросы: во-первыхъ, какимъ образомъ, не смотря на троичность Божескихъ Лицъ, Богъ одинъ, и наоборотъ,—какимъ образомъ, будучи одинъ, Онъ вмѣстѣ и троиченъ? Во-вторыхъ, почему въ Богѣ именно три Лица, а не одно, не два или не четыре? Наконецъ, по-

(1) Ч. 2, стр. 287, 288; снес. ч. 4, стр. 216—225,

чему догматъ о Пресвятой Троицѣ открытъ не съ такою ясностію въ ветхомъ, какъ въ ~~новомъ~~ Завѣтѣ?

Имѣя въ виду первый вопросъ, святитель говоритъ: «чего ни разсматривалъ я самъ собою въ любознательномъ умѣ своемъ, чѣмъ ни обогащалъ разума, гдѣ ни искалъ подобія для сего, но не нашелъ, къ чему бы долънему можно было примѣнить Божіе Существо. Если и отыскивается малое какое-то сходство; то гораздо больше ускользаетъ, оставляя меня долу съ тѣмъ, что избрано для сравненія. По примѣру другихъ представлялъ я себѣ родникъ, ключъ и потокъ, и рассуждалъ: не имѣютъ ли сходства съ однимъ Отецъ, съ другимъ Сынъ, съ третьимъ Духъ Святой? Ибо родникъ, ключъ и потокъ нераздѣльны временемъ и сопрываемость ихъ непрерывна, хотя и кажется, что они раздѣлены тремя свойствами. Но убоялся, во-первыхъ, чтобъ не допустить въ Божествѣ какого-то теченія, никогда не останавливающегося; во-вторыхъ, чтобы такимъ подобіемъ не ввести и численнаго единства, такъ какъ родникъ, ключъ и потокъ въ отношеніи къ числу составляютъ одно, различны же только въ образѣ представленія. Бралъ опять въ разсмотрѣніе солнце, лучъ и свѣтъ. Но и здѣсь—опасеніе, чтобы въ несложномъ Естествѣ не представить какой-либо сложности, примѣчаемой въ солнцѣ и въ томъ, что отъ солнца; во-вторыхъ, чтобы, приписавъ сущность Отцу, не лишить самостоятельности прочія Лица и не содѣлать ихъ силами Божіими, которыя въ Отцѣ существуютъ, но не самостоятельны: такъ какъ лучъ и свѣтъ—не солнце, а нѣкоторыя солнечныя изліянія и существенныя качества солнца. Въ-третьихъ, чтобъ не приписать Богу и бытія и небытія (къ какому заключенію можетъ привести этотъ примѣръ); а это еще недѣлѣе сказанна-

го выше. Слышалъ я также, что нѣкто находилъ искомое подобіе въ солнечномъ отблескѣ, который является на стѣнѣ и сотрясается отъ движенія водъ, когда лучъ, собранный воздушною средою и потомъ разсѣянный отражающею поверхностью, приходитъ въ странное колебаніе; потому что отъ многочисленныхъ и частыхъ движеній перебѣгаетъ онъ съ мѣста на мѣсто, составляя не столько одно, сколько многое, и не столько многое, сколько одно, такъ какъ по быстротѣ сближеній и расхожденій ускользаетъ прежде, нежели уловить его взоръ. Но по моему мнѣнію, нельзя принять и этого. Во-первыхъ потому, что здѣсь слишкомъ видно приводящее въ движеніе; но первоначальнѣе Бога нѣтъ ничего, что приводило бы Его въ движеніе: Онъ Самъ причина всего. Во-вторыхъ потому, что в этомъ подобіемъ наводится прежняя мысль о движеніи, о сложности, о естествѣ непостоянномъ и зыблющемся, тогда какъ ничего подобнаго не должно представлять о Божествѣ. И вообще ничего не нахожу, что, при разсмотрѣніи представляемаго, остановило бы мысль на избираемыхъ подобіяхъ, развѣ кто съ должнымъ благоразуміемъ возьметъ изъ образа что-нибудь одно и отброситъ все прочее. Наконецъ заключилъ я, что всего лучше отступить отъ всѣхъ образовъ и тѣней, какъ обманчивыхъ и далеко не достигающихъ до истины; держаться же образа мыслей болѣе благочестиваго, остановившись на немногихъ реченіяхъ, имѣть руководителемъ Духа, и какое озареніе получено отъ Него, то сохраняя до конца, съ нимъ, какъ искреннимъ сообщникомъ и собесѣдникомъ, проходить настоящій вѣкъ, а по мѣрѣ силъ и другихъ убѣждать, чтобъ поклонялись Отцу и Сыну и Святому Духу — единому Божеству и

единой силѣ» (1). Хотя здѣсь св. отецъ повидимому не отдастъ предпочтенія ни одному изъ подобій, которыми онъ хотѣлъ уяснить для себя тайну единого Бога въ Троицѣ; но то, что онъ Трѣипостаснаго Бога любитъ называть *тройственнымъ Свѣтомъ, трисіяннымъ Божествомъ, свѣтозарною Троицею*, ясно показываетъ, что онъ отдавалъ предпочтеніе предъ всѣми подобіями подобію солнца, луча и свѣта. Кромѣ того, въ одномъ мѣстѣ, согласно съ общимъ характеромъ своего богословскаго созерцанія, онъ объясняетъ тайну возлюбленной имъ Троицы указаніемъ въ человѣкѣ на душу, мысль и слово (2).

Но почему въ Богѣ три Лица—ни болѣе, ни менѣе? Вопросъ трудный не менѣе предъидущаго; но св. Григорій останавливается и на немъ, и даетъ такой удовлетворительный отвѣтъ, какого можно только пожелать при непостижимости догмата о Пресвятой Троицѣ. «Совершенная Троица, говоритъ онъ, изъ трехъ совершенныхъ, ибо Божество выступило изъ единичности по причинѣ богатства, преступило двойственность, потому что Оно выше матеріи и формы, изъ которыхъ состоятъ тѣла, и опредѣлилось тройственностію (первымъ, что превышаетъ составъ двойственности), по причинѣ совершенства,—чтобы и не быть скуднымъ и не разлиться до безконечности. Первое показывало бы нелюбообщительность, послѣднее безпорядокъ; одно было бы совершенно въ духѣ іудейства, другое въ духѣ язычества и многобожія (3).

Если же, говоритъ св. отецъ, кто потребуеть (въ ветхомъ Завѣтѣ) открытыхъ словъ вселюбезнаго Божества,

(1) Ч. 3, стр. 131—133.

(2) Ч. 4, стр. 188.

(3) Ч. 2, стр. 222, снес. ч. 3, стр. 240.

то пусть такой знаетъ, что неблагоразумно его требованіе. Ибо, пока большей части смертныхъ не было явлено Божество Христово, не надлежало возлагать неудобносімаго бремени на сердца, до крайности немощныя. Совершеннѣйшее слово Благременно не для начинающихъ. Кто станетъ слабымъ еще глазамъ показывать полный блескъ огня или насыщать ихъ непомѣрнымъ свѣтомъ? Лучше постепенно приучать ихъ къ яркому блеску, чтобы не повредить и самыхъ приѣмниковъ сладостнѣйшаго свѣта. Такъ и Слово, открывъ прежде всецѣлое Божество Царя-Отца, стало озарять свѣтомъ великую славу Христову, являемую немногимъ разумнымъ изъ людей, а потомъ, яснѣе открывъ Божество Сына, осіяло намъ и Божество свѣтозарнаго Духа. Для тѣхъ проливалось оно малый свѣтъ, большую же часть предоставило намъ, которымъ потомъ обильно и въ огненныхъ языкахъ раздѣленъ Духъ, показавшій ясные признаки Божества, когда Спаситель вознесся отъ земли ⁽¹⁾.

Вѣчно сіяя въ трехъ вѣчныхъ свѣтахъ ⁽²⁾, Богъ, когда восхотѣлъ, вызвалъ изъ небытія въ бытіе и свѣты временныя, учить далѣе св. Григорій. Умственный взоръ его, постоянно созерцая Бога, какъ свѣтъ, естественно и въ созданіяхъ Божіихъ видитъ также свѣты. «Второй свѣтъ (послѣ Бога), говоритъ онъ, есть Ангелъ — какаятоструя или вѣчто причастное первому Свѣту; онъ находитъ для себя просвѣщеніе въ стремленіи къ первому Свѣту и въ служеніи Ему; и не знаю, по степени ли чина своего получаетъ просвѣщеніе, или, по мѣрѣ просвѣщенія, получаетъ чинъ. Третій свѣтъ есть человекъ,

(1) Ч. 4, стр. 221—222; свес. ч. 3, стр. 126—127.

(2) Ч. 4, стр. 323.

что известно и язычникамъ; ибо свѣтомъ ($\psi\delta\iota\varsigma$) называютъ какъ они вообще человѣка по силѣ внутренняго нашего слова ⁽¹⁾, такъ и мы сами—тѣхъ изъ насъ, которые наиболѣе уподобляются Богу и приближаются къ Нему. Знаю и иной свѣтъ, которымъ отражена или пресѣчена первобытная тьма,—эту первую основу небесной твари, т. е. какъ кругообразные пути звѣздъ, такъ и горную стражу, осіявающую цѣлый міръ ⁽²⁾. Но какииъ образомъ Богъ проявилъ эти свѣты и вызвалъ міръ изъ небытія въ бытіе? Съ какою цѣлю? По какому побужденію?

«Такъ какъ благодать, говоритъ св. отецъ, не довольствовалась тѣмъ, чтобы упражняться только въ созерцаніи себя самой, но требовала, чтобы благо разливалось, шло далѣе и далѣе, чтобы число облагодѣтельствованныхъ было какъ можно болѣе (таково свойство высочайшей благодати); то Богъ измышляетъ, во-первыхъ, ангельскія и небесныя силы. И мысль стала дѣломъ, которое исполнено Словомъ и совершено Духомъ. Такъ произошли вторыя свѣтлости, служители первой свѣтлости; разумѣть ли подъ ними разумныхъ духовъ, или какбы невещественный и безплотный огонь, или другую какую природу, наиболѣе близкую къ сказанному. Хотѣлъ бы я сказать, что они неподвижны къ злу и имѣютъ движенія только къ добру, какъ сущіе окрестъ Бога и озаряемые отъ Бога непосредственно (земное пользуется вторичнымъ озареніемъ); но признавать ихъ не неподвижными, а неудобвижными, убѣждаетъ меня денница — по свѣтлости, а за превозношеніе ставшей и называемый тмою, съ под-

(1) Т. е. ума.

(2) Ч. 3, стр. 275.

чиненными ему богоотступными силами, которыя чрезъ свое удаленіе отъ добра стали виновниками зла, вовлекають въ него и насъ. Такъ и по такимъ причинамъ сотворень Богомъ умный (*νοητός*) міръ, сколько о томъ могу философствовать, малымъ умомъ взвѣсивая великое.»

«Такъ какъ твари были благоугодны Богу, то Онъ измышляетъ другой міръ—вещественный и видимый. И это есть стройный составъ неба, земли и того, что между ними,—составъ удивительный по прекраснымъ качествамъ каждой вещи, и еще болѣе достойный удивленія по стройности и согласію цѣлаго, въ которомъ и одно къ другому, и все ко всему стоитъ въ прекрасномъ отношеніи, служа къ полнотѣ цѣлаго міра. А этимъ Богъ показалъ, что Онъ силенъ сотворить не только сродное, но и чуждое для Себя естество» (1). Но «Богъ, восхотѣвшій устроить этотъ міръ, который состоитъ изъ видимаго и невидимаго и служить великимъ и дивнымъ проповѣдникомъ Его величія, сей Богъ для существъ присносущныхъ Самъ есть Свѣтъ, а не другой кто (ибо нуженъ ли свѣтъ вторичный для тѣхъ, которые имѣють свѣтъ высочайшій?). А существа дольнія и насъ окружающія прежде всего осіяваетъ Онъ этимъ видимымъ свѣтомъ. Великому Свѣту и прилично было начать мірозданіе сотвореніемъ свѣта, которымъ уничтожаетъ Онъ тьму и бывшія дотолѣ нестроеніе и безпорядокъ И,—такъ разсуждаю,—въ началѣ Богъ сотворидъ не этотъ органическій, принадлежащій солнечному тѣлу свѣтъ, но свѣтъ незаклученный въ тѣлѣ и солнцѣ, который уже послѣ данъ солнцу освѣщать всю вселенную. Послѣ того, какъ для другихъ тварей осуществилъ Онъ прежде вещество, а впослѣдствіи

(1) Ч. 4, стр. 137.

облекъ въ форму, давъ каждому существу устройство частей, очертаніе и величину; тогда, чтобы сдѣлать еще бѣльшее чудо, осуществилъ здѣсь форму, прежде вещества (ибо форма солнца—свѣтъ), а потомъ уже присовокупляетъ вещество, создавъ око дня, то есть солнце (1). Посему къ днямъ присоединяется нѣчто первое, второе, третье, и такъ далѣе до дня седьмого, упокоивающаго отъ дѣлъ, и сими днями раздѣляется все сотворенное, приведенное въ устройство по неизреченнымъ законамъ, а не мгновенно произведенное Всемогушимъ Словомъ, для котораго помыслить или изречь значить уже совершить дѣло» (2).

«Итакъ умъ и чувство, столь различныя между собою, составили каждое свою область и отобразили собою величіе Зиждительнаго Слова, какъ безмолвные хвалители и ясноглаголивые проповѣдники великолѣпія. Но еще не было смѣшенія изъ ума и чувства, сочетанія противоположностей—этого опыта высшей Премудрости, этой щедрости въ образованіи естествъ, — и не все еще богатство благодати было обнаружено» (3). Послѣ того, какъ все это—земля, небо и море, составило міръ, нуженъ сталъ еще зритель Премудрости — матери всего и благо-

---

(1) Св. Григорій, говоря о созданіи свѣта, какъ видно, представлялъ первоначально созданный свѣтъ не разлитымъ въ неопредѣленномъ пространствѣ, а сосредоточеннымъ въ формѣ солнца. Потому-то онъ видитъ въ этомъ и особенное чудо творческой силы; такъ какъ, по его мысли, солнце (т. е. свѣтъ въ видѣ солнца, одна форма солнца) свѣтило, а солнечнаго тѣла пока еще не существовало. Потому-то далѣе онъ не видитъ никакой трудности въ пониманіи словъ Бытописателя, начинающихся съ перваго дня: *и бысть вечеръ и бысть утро*, и говорить о дняхъ творенія, не пускаясь въ различеніе дней—до созданія солнца и послѣ созданія солнца.

(2) Ч. 4, стр. 143, 144.

(3) Ч. 4, стр. 157.

говѣнный царь земной. Тогда Слово рекло: «пространное небо населяютъ уже чистые и присно-живущіе служители, непорочные умы, добрые ангелы, пѣснословцы, воспѣвающіе мою славу. Но земля украшается одними неразумными животными. Потому угодно Миѣ создать такой родъ тварей, въ которомъ бы заключалось и то и другое, родъ тварей среднихъ между смертными и бессмертными,—разумнаго человѣка, который бы увеселялся моими дѣлами, былъ мудрымъ таинникомъ небснаго, великимъ владыкою земли, новымъ ангеломъ изъ персти, пѣснопѣвцемъ моего могущества и моего ума». Такъ рекло Слово, и, взявъ часть новосозданной земли, бессмертными руками составило мой образъ и удѣлило ему своей жизни; потому что послало въ него духъ, который есть струя невидимаго Божества. Такъ изъ персти и дыханія созданъ человѣкъ—образъ Бессмертнаго; потому что въ обоихъ царствуетъ естество ума. Посему, какъ земля, я привязанъ къ здѣшной жизни; а, какъ частица божественная, ношу въ груди любовь къ жизни будущей.—Такъ сопряженъ былъ первородный человѣкъ; впоследствии же тѣло берется отъ плотей, душа же примѣшивается недовѣдомымъ образомъ, привходя со-виѣ въ перстный составъ, какъ знаетъ это Создавшій, который и въ началѣ вдохнулъ ее и сопрягъ образъ Свой съ землею. А другой, откликаясь на мою пѣснь, смѣло и слѣдуя многимъ, пожалуй, прибавить и слѣдующее разсужденіе. Какъ тѣло, первоначально составленное въ насъ изъ персти, сдѣлалось впоследствии потокомъ человѣческихъ тѣлъ, въ одномъ человѣкѣ заключая другихъ; такъ и душа, вдохнутая Богомъ, съ сего времени соприходить въ образуемый составъ человѣка, рождаясь вновь, изъ первоначальнаго сѣмени удѣляемая многимъ, и въ

смертных членахъ всегда сохраняющая постоянный образъ. Посему-то душа получаетъ въ удѣлъ умное господство» (1). Тѣже самыя мысли о твореніи св. отецъ выражаетъ и въ другомъ мѣстѣ, только короче и въ формѣ, болѣе ему свойственной. Онъ говоритъ: «(Умъ) восхотѣлъ создать умныя природы, небесную и земную—эти пропущаемыя свѣтомъ зеркала перваго Свѣта, чтобъ одна, сіяя горѣ, пребывала великою свѣтоносною служительницею Царя, другая же имѣла славу здѣсь. Онъ источаетъ имъ Божество, чтобъ царствовать въ большемъ числѣ небесныхъ умовъ и для большаго числа быть блаженпотворнымъ свѣтомъ. Таково уже свойство Царя моего—сообщать блаженство. Но, чтобы тварь, приближаясь къ Богу, не пожелала равной съ Богомъ славы и не погналась за свѣтомъ и славой, тогда какъ всего лучше соблюдать мѣру, а чрезмѣрность всего хуже; высокое Слово, благо промысля о будущихъ тваряхъ, отдалило, какъ отъ Тронцы все окружающее престоль Свѣта, такъ отъ ангельскихъ ликомъ смертную природу. Впрочемъ не много отдалило Оно служебную ангельскую природу, а гораздо болѣе нашу природу; потому что мы произошли изъ персти, соединенной съ Божествомъ; природа же простая совершеннѣе. Изъ міровъ одинъ сотворенъ прежде. Это — иное небо, обитель богопосцевъ, созерцаемая однимъ умомъ, пресвѣтлая; въ нее вступитъ впоследствии человекъ Божій, когда, очистивъ умъ и плоть, стаетъ богомъ (εἶτε θεὸς τελεθῆσι). А другой—тлѣнный міръ созданъ для смертныхъ, чтобы благолѣпныя свѣтила проповѣдывали имъ о Богѣ своею красотою и своимъ величьемъ, и чтобы былъ царственный чертогъ для образа Бо-

(1) Ч. 4, стр. 242—244.

жія. Но и первый и послѣдній міръ созданы Словомъ великаго Бога» (1).

Итакъ Богъ, когда восхотѣлъ, сотворилъ міръ. При этомъ любознательному уму легко можетъ представиться вопросъ: въ чемъ же состояла дѣятельность Бога до сотворенія міра? «На это могъ бы отвѣчать самъ Богъ, говоритъ смиренно св. Ириней, а намъ св. Писаніе ничего о томъ не открыло» (2). «Я не скажу, подобнымъ образомъ говоритъ и бл. Августинъ, какъ сказалъ нѣкто, что Богъ готовилъ тогда геенну для покушающихся постигнуть непостижимое, а охотиѣе скажу: не знаю, не знаю» (3). Но св. Григорій не довольствуется незнаніемъ; его умъ усиливается и въ этотъ мракъ внести лучъ свѣта. На помощь его усиліямъ, какъ всегда, такъ и теперь является мысль объ умѣ и созерцаніи. Григорій—умъ не просто спрашиваетъ: что дѣлалъ Богъ до сотворенія міра; но этотъ вопросъ ставитъ въ сообразной формѣ, именно: «*чьмъ занята была Божія мысль (τί κινῶτο θεία νόησις)* прежде, нежели Всевышній, царствуя въ пустотѣ вѣковъ, создалъ вселенную и украсилъ ее формами?» Послѣ этого онъ уже не затрудняется дать слѣдующій отвѣтъ, вполне удовлетворительный съ его точки зрѣнія: «Она созерцала вожелѣнную свѣтлость своей доброты, равную и ровносовершенную свѣтозарность трисіяннаго Божества, какъ извѣстно это единому Божеству и кому открылъ те Богъ. Мірородный Умъ разсматривалъ также въ великихъ своихъ умопредставленіяхъ Имъ же составленные образы міра, который произведенъ впоследствии, но для Бога и тогда былъ настоящимъ. У Бога все предъ

(1) Ч. 4, стр. 229—230.

(2) Adv. haer. l. 2, с. 28, п. 3.

(3) Confession. l. XI, с. 12. 13.

очами: и что будетъ, и что было, и что есть теперь. Для меня такой раздѣлъ положенъ временемъ, что одно впереди, а другое позади, но для Бога все сливается въ одно и все держится въ мышцахъ великаго Божества. И такъ вотъ что *изобрѣлъ умъ мой* (τοῦτερον βῶτον ἔτερον ἐμὸς νόος) (1).

Для ясности приведемъ ученіе св. Григорія о твореніи къ слѣдующимъ положеніямъ: міръ сотворилъ Трѣипостасный Богъ,—Отець, какъ вина предначинательная,—Сынъ, какъ вина исполнительная,—Духъ, какъ вина совершительная,—сотворилъ его не отъ вѣчности, а во времени или со временемъ;—однимъ мановеніемъ своей всемогущей воли; сотворилъ сначала разумныя существа, сродныя себѣ, какъ высочайшій Умъ,—существа духовныя, способныя созерцать высочайшій Свѣтъ непосредственно, и неудобопреклонныя къ отпаденію отъ Него, по причинѣ простоты своего существа и особенной близости къ Богу;—потомъ—все разнообразіе существъ міра—видимаго, вещественнаго, несроднаго Богу, озаряемаго свѣтомъ, подобно тому, какъ міръ духовъ или умныхъ еущностей озаряется самимъ Богомъ, — произведши все это не вдругъ, а постепенно; — наконецъ, человѣка, составивъ его изъ двухъ природъ—разумной и чувственной; заключивъ въ немъ и сродное Себѣ—умъ, который есть нѣчто царственное и владычественное, есть образъ Божій въ немъ, и несродное—тѣло, которое, какъ покровъ, не позволяетъ человѣку непосредственно созерцать Бога и тѣмъ низводитъ его на степень низшую ангеловъ, не только въ отношеніи къ созерцанію, но и къ богоугодной дѣятельности; сотворилъ Богъ міръ для того, чтобы міръ духовный и разумный, созерцая

(1) Григ. Б. ч. 4, стр. 228—229.

Бога или непосредственно или посредственно, прославляя Его, и прославляя, блаженствовалъ, а міръ видимый и чувственный, имѣя въ человѣкѣ разумнаго представителя, былъ безмолвнымъ провозвѣстникомъ славы Божіей и отъ себя, *при посредствѣ свѣта*, возводилъ существа разумныя къ высочайшему Уму и Свѣту. Наконецъ, Богъ сотворилъ все такъ, что каждая вещь въ мірѣ и каждое существо были вполне приспособлены къ своимъ цѣлямъ, съ тѣмъ различіемъ, что существа разумныя должны были достигать своихъ цѣлей свободно, а существа неразумныя и чувственныя—въ зависимости отъ существъ разумныхъ, или частице—отъ человѣка.

«Такъ водруженъ широко основанный міръ великимъ безконечнымъ Умомъ, который все носитъ въ Себѣ и Самъ превыше всего.» «Но Богъ, говоритъ св. Григорій, какъ скоро устроилъ міръ, съ перваго же мгновенія, по великимъ и непреложнымъ законамъ движеть и водить его, какъ кубарь, ходящій кругами подъ ударомъ. Ибо не самослучайно естество этого широкаго и прекраснаго міра, которому нельзя и вообразить чего-либо подобнаго, и въ продолженіи такого времени предоставленъ онъ не самослучайнымъ законамъ. Видалъ ли кто домъ, или корабль, или быструю колесницу, или щитъ и шлемъ, которые бы не были сдѣланы руками? Міръ не простоялъ бы столько времени, если бы въ немъ было безначаліе. И ликъ пѣвцевъ разстроится, если никто имъ не править. Вселенной же несвойственно имѣть иного правителя, кромѣ Того, кто устроилъ ее» (1). Въ частности: «какъ солнечный лучъ изъ безоблачнаго неба, встрѣтившись съ видимыми, еще отражающими его облаками,

---

(1) Ч. 4, стр. 231.

изъ которыхъ идетъ дождь, распростираетъ многоцвѣтную радугу, и весь окружающій эфиръ блещетъ непрерывными и постепенно слабѣющими кругами; такъ и природа свѣтовъ поддерживается въ бытіи тѣмъ, что высочайшій Свѣтъ лучами своими непрестанно осіяваетъ умы низшіе» (1). Въ управленіи міромъ и промышленіи о немъ по волѣ Божіей участвуютъ и сами ангелы». Эти умы, говоритъ св. Григорій, получили каждый одну какую-либо часть вселенной, или приставлены къ одному чему нибудь въ мірѣ, какъ рѣшилъ это все Устроившій и Распредѣлившій, и все ведутъ къ одной цѣли, по мановенію Зиждителя всяческихъ» (2). «Каждому изъ нихъ дано особое начальство отъ Царя — имѣть подъ надзоромъ людей, города и цѣлыя народы, и даже распоряжаться словесными жертвами земнородныхъ» (3). Между ними св. отецъ различаетъ девять чиновъ; но не говоритъ о Херувимахъ, Серафимахъ и Силахъ, о которыхъ упоминаетъ св. Писаніе, замѣняя ихъ, какъ можно догадываться, наименованіемъ Свѣтлостей, Умовъ и Восхожденій. «Мы должны также вѣровать, говоритъ св. Григорій, что нашъ Творецъ особеннымъ образомъ печется о нашей участи, хотя жизнь наша и проходитъ среди различныхъ странностей, которыхъ причины для того, можетъ быть, и остаются неизвѣстными, чтобы мы, *не постигая ихъ, тѣмъ болѣе удивлялись надъ вѣсьмъ возвышающемся Уму и тѣмъ болѣе любили Его*» (4).

П. Шалфеевъ.

(1) Ч. 4, стр. 235.

(2) Ч. 3, стр. 51.

(3) Ч. 4, стр. 236.

(4) Ч. 2, стр. 39—40.

II.

СВ. ГРИГОРІЙ БОГОСЛОВЪ, КАКЪ УЧИТЕЛЬ ВЪРЫ.

(Окончаніе).

Если Богъ промышляетъ о мірѣ съ отеческою любовью, направляя все въ немъ къ благимъ и премудрымъ цѣлямъ; то спрашивается: откуда зло въ мірѣ? Начала зла, конечно, нельзя искать въ природѣ неразумной, которая выполняетъ законы вложенные въ нее Создателемъ необходимо; оно должно имѣть начало въ области существъ разумныхъ. И дѣйствительно, зло, или, выражаясь языкомъ св. Григорія, омраченіе началось съ высшихъ свѣтоносныхъ областей, со вторичныхъ свѣтовъ — ангеловъ. Между тѣмъ какъ, по словамъ св. отца, «Слово нарочито отдалило отъ Троицы все окружающее престоль Свѣта, чтобы тварь, приближаясь къ Богу, не пожелала равной съ Богомъ славы и не погналась за свѣтомъ и славой; самый первый свѣтоносецъ, отличенный преимущественной славой, занесся слишкомъ высоко; онъ возмечталъ о царственной чести великаго Бога. Чрезъ это онъ сгубилъ свою свѣтозарность; съ безчестіемъ ниспалъ сюда и, захотѣвъ быть Богомъ, весь сталъ тьмою. Хотя и легокъ онъ по природѣ, однакоже низринулся до низкой земли .... И такъ какъ дерзость погубила его; то онъ увлекъ въ паденіе многихъ, именно всѣхъ, кого научилъ грѣху, какъ злоумышлен-

никъ, склонившій къ измѣнѣ царское воинство, увлекъ изъ зависти къ богомудрому сонму Царюющаго горѣ и изъ желанія царствовать надъ многими злыми. Съ тѣхъ поръ явились во множествѣ надземныя злобы, демоны, послѣдователи злаго царя—человѣкоубійцы, немощные, темные, зловѣщіе, призраки ночи, лжецы, дерзкіе, наставники въ грѣхахъ, бродяги, любители пьянства, смѣхотворцы, прорицатели, двурѣчивые, любители ссоръ, кровопійцы, преисподніе, скрывающіеся, безстыдные, учителя волшебства. Они вмѣстѣ и ночь и свѣтъ, чтобы уловлять то тайно, то обманомъ. Это воинство таково же, каковъ и вождь» (1). Зная съ одной стороны, что св. Григорій первую изъ существенныхъ потребностей разумныхъ существъ поставляетъ знаніе, съ другой,—что словами: свѣтъ и озареніе или сіяніе, онъ означаетъ умъ и его дѣятельность, его мысли о паденіи денницы, высказанныя образно, мы можемъ точнѣе выразить такъ: «первый изъ сотворенныхъ духовъ, первый по богатству знанія и полнотѣ созерцанія, въ одну несчастную для себя минуту пришелъ къ мысли ужасающей своею гордостью, что онъ можетъ постигнуть все тайны высочайшаго Ума, знать столько же, сколько знаетъ Богъ,— что поэтому онъ можетъ быть равенъ Богу и независимо отъ Него, силою своего ума, царствовать надъ всеми прочими духами, сообщая имъ необходимое знаніе. Такую дерзкую мысль онъ попытался привести и въ дѣло. Но чрезмѣрнымъ превозношеніемъ онъ исказилъ свой умъ, лишился своего настроенія искать, находить и созерцать истину во всей ея чистотѣ,—и кромѣ того, въ наказаніе за свое превозношеніе, былъ отверженъ Богомъ, отъ

(1) Ч. 4, стр. 237—238, 414—415; снес. ч. 3, стр. 206, 241.

котораго исходятъ свѣтъ и истина. Утративъ же свѣтлость своего ума и бывъ отверженъ Богомъ, онъ сталъ завидовать всѣмъ находящимся въ законныхъ отношеніяхъ къ высочайшему Уму и вводитъ ихъ *въ тоже заблужденіе, въ которое впалъ и самъ.*» По какимъ образомъ этотъ совершеннѣйшій изъ сотворенныхъ духовъ забылъ свои настоящія отношенія къ Богу и измѣнилъ имъ,—на это св. Григорій отвѣчаетъ только, что «одно лишь Божіе естество совершенно неизмѣнно» (1).

Грѣхъ, начавшись съ высшей области разумныхъ существъ, коснулся потомъ и человѣка. «Почтивъ человѣка свободою, говоритъ св. Григорій, чтобы добро принадлежало не меньше избирающему, чѣмъ и вложившему сѣмена онаго, Богъ поставилъ его въ рай (чтобы ни значилъ рай) дѣлательемъ безсмертныхъ растений — можетъ быть — божественныхъ помысловъ, какъ простыхъ, такъ и болѣе совершенныхъ, поставилъ нагимъ по простотѣ и безыскусственности жизни, безъ всякаго покровя и огражденія, ибо такимъ надлежало быть первозданному. Далъ и законъ для упражненія свободы. Закономъ же была заповѣдь: какими растениями ему пользоваться, и какого растенія не касаться. А послѣднимъ было древо *познанія*, насажденное въ началѣ не злонамѣренно и запрещенное не по зависти (да не отверзаютъ при семь устъ богоборцы и да не подражаютъ змію!), напротивъ того, оно было хорошо для употребляющихъ благовременно (потому что это древо, по моему умозрѣнію, было созерцаніе, къ которому безопасно приступать могутъ только опытно усовершенствовавшіеся), но не хорошо для простыхъ еще и для неумѣренныхъ въ своихъ желаніяхъ,

(1) Ч. 4, стр. 237; снес. стр. 137.

подобно какъ и совершенная пища не полезна для слабыхъ и требующихъ молока» (1). Такимъ образомъ, по умозрѣнію св. Григорія, человѣкъ, поставленный въ рай, — для своего блаженства былъ предназначенъ отъ Бога упражняться въ созерцаніи вещей божественныхъ и ему было предоставлено право касаться своимъ созерцаніемъ всѣхъ предметовъ, кромѣ одного, не потому, чтобы созерцаніе его было безусловно вредно для человѣка, но потому, что этотъ предметъ (какой бы онъ ни былъ) былъ еще не по силамъ новосозданнаго ума человѣческаго. Понятно послѣ этого, какъ св. Григорій долженъ былъ представлять себѣ грѣхопаденіе перваго человѣка. Онъ долженъ былъ представлять это грѣхопаденіе, какъ *самонадѣянный порывъ ума* человѣческаго, вопреки заповѣди Божіей, *къ постиженію* того, что для него было еще *непостижимо*; а это, замѣтимъ далѣе, на языкѣ Григорія, значитъ тоже, что попытка сдѣлаться высочайшимъ Умомъ, Богомъ, *вѣдущимъ все доброе и лукавое*. Такимъ образомъ въ существѣ дѣла грѣхъ прародительскій тоже, что и грѣхъ денницы: какъ тамъ, такъ и здѣсь — гордость, заносчивость ума. Различіе только въ томъ, что человѣкъ, по своей природѣ, былъ болѣе удобопреклоненъ къ грѣху и измыслилъ его не самъ, но увлекся обольщеніемъ уже падшей разумной силы, притомъ силы, высшей его. «Когда же по зависти діавола и обольщенію жены, которому она сама подверглась, какъ слабѣйшая, и которое произвела, какъ искусная въ убѣжденіи, человѣкъ забылъ данную ему заповѣдь и уступилъ горькому вкушенію;» тогда гибельныя слѣдствія грѣха не замедлили обнаружиться. «Первый въ Адамѣ, говоритъ

---

(1) Ч. 4, стр. 159 — 160.

св. отецъ, былъ пораженъ умъ, какъ говорятъ врачи о болѣзняхъ;» потому что умъ въ человѣкѣ есть нѣчто совершеннѣйшее и владычественное и такъ какъ, что приняло заповѣдь, то естественно и не соблюло заповѣди (1). А это на языкѣ св. Григорія значить, что прежде всего въ человѣкѣ искажился образъ Божій; потому что образъ Божій онъ поставляетъ въ умѣ. Съ другой стороны тѣло, которое и въ первобытномъ состояніи человѣка было покровомъ для духа или ума, долженствовавшимъ, по мысли св. отца, утончаться по мѣрѣ восхожденія ума по степенямъ созерцанія, вслѣдствіе грѣха огрубѣло, сдѣлалось, такъ сказать, болѣе непроницаемымъ и взяло перевѣсъ надъ умомъ, увлекая его къ предметамъ и удовольствіямъ чувственнымъ. Сдѣлавшись же болѣе грубымъ и слѣдовательно болѣе сложнымъ, оно стало способнѣе къ тлѣнію и разрушенію. Человѣкъ тогда былъ осужденъ Богомъ на изгнаніе изъ рая, труды и смерть. Всѣ эти мысли св. отецъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «когда по коварству завистливаго человѣкоубійцы, зная убѣдительности женскаго слова, человѣкъ вкусилъ преждевременно сладкаго плода и облекся въ кожаныя ризы—тяжелую плоть, и сталъ труноносцемъ, потому что смертію Христосъ положилъ предѣлы грѣху; тогда изшелъ онъ изъ рая на землю, изъ которой былъ взятъ, и получилъ въ удѣлъ многотрудную жизнь; а къ драгоцѣнному растенію приставилъ Богъ хранителемъ пламенѣющую ревность, чтобы какой нибудь Адамъ, подобно прежнему, не взошелъ внутрь преждевременно и, прежде нежели бѣжалъ пожирающей снѣди, находясь еще во злѣ, не приблизился къ древу жизни... И этотъ новонасажден-

---

(1) Ч. 4, стр. 202—203.

ный грѣхъ къ злосчастнымъ людямъ перешель отъ прародителя; отсюда прозябъ колосъ» (1).

Такимъ образомъ, грѣхъ прародителя, порча его, не остановился на немъ, а простерся на все его потомство. Кромѣ общихъ Адаму со всеми его потомками явленій, имѣющихъ въ основаніи первородный грѣхъ,—помраченія ума, непрерывной борьбы духа съ плотію, болѣзней и смерти тѣла, зависимости отъ діавола, св. Григорій первороднымъ грѣхомъ объясняетъ и нѣкоторыя особенныя явленія въ родѣ человѣческомъ, именно: идолопоклонство и преобладаніе между людьми.

Происхожденіе идолопоклонства св. отецъ представляетъ такъ. Въ человѣкѣ есть необходимая потребность созерцать Бога,—и основаніе ея въ умѣ человѣка, который, будучи въ немъ чѣмъ-то царственнымъ, владычественнымъ и божественнымъ, естественно стремится къ Богу, высочайшему Уму. Но человѣческой умъ не можетъ созерцать Бога непосредственно, потому что на немъ есть покровъ—тѣло; онъ можетъ, по степенямъ созерцанія, восходить къ Богу только отъ разсматриванія міра и человѣка. Отсюда, какъ скоро въ грѣхопадѣніи умъ человѣка отвратился отъ Бога, единого своего начала, онъ съ своимъ стремленіемъ къ Богу остановился на мірѣ,—на совокупности и множественности его существъ и явленій, послѣ чего ему было уже легко признать Богомъ все, что въ мірѣ чѣмъ либо его особенно поражало и останавливало его вниманіе. Такимъ образомъ и были обоготворены сначала существа, силы и явленія природы—полезныя и вредныя, грозныя, страшныя, или пріятныя, потомъ люди, чѣмъ-либо выдавшіеся изъ ряда

(1) Ч. 4, стр. 243.

другихъ, ихъ добродѣтели и самая страсти, которыя побѣдить падшіе люди были не въ состояніи и которыхъ обоготвореніе извиняло ихъ.

«Такъ какъ всякая разумная природа, говоритъ св. отецъ, хотя стремится къ Богу и къ первой причинѣ, однакоже не можетъ постигнуть ее (особенно нашъ умъ, которому трудно выйти изъ круга тѣлесности, доколѣ онъ, при немощи своей, разсматриваетъ то, что превышаетъ его силы); то, истаеая желаніемъ, находясь какбы въ предсмертныхъ мукахъ и не вынося этихъ мученій, пускается онъ въ новое плаваніе, чтобы или обратить взоръ на видимое и изъ этого что-нибудь сдѣлать богомъ (по худому впрочемъ расчету; ибо что видимое выше и богоподобнѣе видящаго и притомъ въ такой мѣрѣ, чтобъ видящій поклонялся, а видимое принимало поклоненіе?), или же изъ красоты и благоустройства видимаго познать Бога, употребить зрѣніе руководителемъ къ незримому, но въ великолѣпнн видимаго не потерять изъ виду Бога. Отъ сего-то стали поклоняться, кто солнцу, кто лунѣ, кто множеству звѣздъ, кто самому небу вмѣстѣ съ свѣтилами, которымъ дали править въ мірѣ и качествомъ и количествомъ движенія, а кто стихіямъ: землѣ, водѣ, воздуху, огню, такъ какъ онѣ для всего необходимы и безъ нихъ не можетъ длиться жизнь человѣческая; иные же—что кому встрѣтилось въ ряду видимыхъ вещей, признавая богомъ все, представлявшееся для нихъ прекраснымъ. Нѣкоторые же стали поклоняться даже живописнымъ изображеніямъ и изваяніямъ, сперва родныхъ,—и это были люди, безъ мѣры предавшіеся горести и чувственности, желавшіе памятниками почтить умершихъ, а потомъ и чужихъ,—и это сдѣлали потомки, отдаленные отъ нихъ временемъ, сдѣлали потому, что не

знали перваго естества, и чествованіе, дошедшее до нихъ по преданію, стало какбы законнымъ и необходимымъ, когда обычай, утвержденный временемъ, обратился въ законъ. Но думаю, что иные, желая угодить властителямъ, прославить силу, изъявить удивленіе красотѣ, чтимаго ими современемъ сдѣлали богомъ, а въ содѣйствіе къ обольщенію присоединилась какая-нибудь баснь. Тѣ же изъ нихъ, которые были болѣе преданы страстямъ, признали богами страсти или, какъ боговъ, стали чествовать гнѣвъ, убійство, похотливость, пьянство, а, не знаю, можетъ быть и еще что нибудь къ этому близкое; потому что въ этомъ находили (конечно недоброе и несправедливое) оправданіе собственныхъ грѣховъ. И однихъ боговъ оставили на землѣ, другихъ (что только и благоразумно) скрыли подъ землю, а иныхъ (смѣшной раздѣлъ!) возвели на небо. Потомъ, подчинившись своеволю и прихотямъ блуждающаго воображенія, нарекли каждому вымыслу имя какого нибудь бога или демона и, воздвигнувъ кумиры, которые приманивали къ себѣ своею драгоцѣнностію, узаконили чествовать ихъ кровью и тукомъ, а иные даже самыми гнусными дѣлами, сумазбродствомъ и человѣкоубійствомъ. Такимъ богамъ приличны были такія и почести. Даже позорили себя и тѣмъ, что воздавали божескую славу морскимъ чудовищамъ, четвероногимъ, пресмыкающимся,—тому, что въ этихъ породахъ наиболѣе гнусно и смѣшно, такъ что трудно опредѣлить, поклонявшіеся ли достойны большаго презрѣнія, или то, чему поклонялись» (¹). И корень всего этого зла въ первоначальномъ поврежденіи человѣка (²).

(¹) Ч. 3, стр. 30—31.

(²) Ч. 3, стр. 244.

Діаволь, между тѣмъ, употреблялъ всѣ усилія къ распространенію язычества. «Онъ, чтобы привлечь людей подъ власть свою, воспользовался ихъ невѣрно направленнымъ стремленіемъ найти Бога и, обманувъ въ желаемомъ, вода какъ слѣпца, ищущаго себѣ пути; разсѣялъ ихъ по разнымъ стремнинамъ и низринулъ ихъ въ одну бездну смерти и гибели» (1). Такимъ образомъ, по мысли св. отца, на идолопоклонство и язычество надобно смотрѣть, какъ на выраженіе стремленія духа человѣческаго или ума къ высочайшему Уму, по причинѣ наследственной порчи, остановившагося на тваряхъ и явленіяхъ міра, чтобы ихъ признать за боговъ. Падшій человѣческой умъ еще сохранилъ въ себѣ на столько вѣрности своему стремленію къ первому началу, что пустился на поиски за этимъ Началомъ, но, встрѣтивъ Его произведенія, возвыситься надъ ними до первой Причины уже не могъ,—особенно при враждебномъ дѣйствіи на него діавола, ума хитрѣйшаго, который оболѣстилъ и перваго человѣка.

Но если въ отношеніи къ Богу грѣхъ первородный выразился *идолопоклонствомъ* и язычествомъ, то во взаимномъ отношеніи людей онъ даетъ чувствовать себя, по ученію св. Григорія, *преобладаніемъ*. Оно явилось, какъ слѣдствіе изнурительнаго труда, съ которымъ долженъ былъ человѣкъ пріобрѣтать себѣ средства для жизни, по грѣхонаденіи. Изнурительный трудъ пріучилъ человѣка слишкомъ много дорожить своими пріобрѣтеніями, привелъ его къ мысли о собственности,—къ мысли, которая была бы рѣшительно неумѣстна въ томъ случаѣ, если бы люди, оставаясь вѣрны волѣ Божіей, пользовались

---

(1) Ч. 3, стр 32.

благами жизни безъ изнуренія, если бы имѣли ихъ въ изобиліи и всѣ равно могли почерпать ихъ изъ одного неизсякаемаго источника. Такимъ образомъ, какъ тамъ, по грѣхопадєніи, вмѣсто единого Бога явилось у людей множество боговъ, такъ здѣсь вмѣсто одного общаго достоянія—множество собственности съ своими собственниками; какъ тамъ обоготвореніе, начавшись съ видимой природы, простерлось и на самаго человѣка, такъ здѣсь пріобрѣтеніе собственности, начавшись съ вещей, простерлось наконецъ и на лица, дошло до порабощенія болѣе слабыхъ болѣе сильными, до распоряженія лицомъ, какъ вещью. «Бѣдность и богатство, свобода и рабство, говоритъ св. Григорій, все это уже впоследствии явилось въ родѣ человѣческомъ. Эти всеобщія болѣзни вторглись вмѣстѣ съ грѣхомъ и суть его изобрѣтеніе. Но сначала такъ не было (Матѹ. 19, 3.). Тотъ, Который создалъ въ началѣ человѣка, далъ ему свободу и самовластіе, ограничивъ одною только заповѣдію, и обогатилъ его райскими радостями, желая, *чтобы блага эти перешли и на позднее потомство отъ одного, какъ отъ перваго съмени.* Свобода и богатство зависѣли только отъ исполненія закона; а истинная бѣдность и рабство явились, какъ слѣдствіе его нарушенія» (1). И въ другомъ мѣстѣ, изобразивъ неравенство между людьми, богатство и бѣдность, угнетеніе и рабство, Святитель говоритъ: «не будемъ отягчать ига и наказанія за первый нашъ грѣхъ. Да погибнетъ зло и первое основаніе зла—лукавый, *спящимъ намъ вспявый плевелы* (Матѹ. 13, 25)... Вотъ что произведено древомъ и горькимъ вкушеніемъ и завистливымъ змїемъ и преслушаніемъ, за которое мы осуждены

---

(1) Част. 2, стр. 29—30.

проводить жизнь въ потѣ лица... Грѣхъ есть мать нужды, нужда — любостыжательности, любостыжательность — войнѣ, войны — даней...» (1).

Наконецъ, грѣхъ, начавшійся съ высшей свѣтоносной области, озаряемой непосредственно Свѣтомъ духовнымъ, простерся чрезъ человѣка, связующаго собою два міра, невидимый и видимый, и на область, освѣщаемую свѣтомъ чувственнымъ. Онъ выразился, по Божію попущенію, беспорядками, воздыханіями твари, которая въ извѣстной мѣрѣ находится въ зависимости и отъ человѣка, какъ своего царя и зрителя премудрости Божіей, явленной въ ней. Слѣдствій грѣха прародительскаго въ твари св. отецъ не раскрываетъ, а говоритъ объ нихъ только въ общихъ чертахъ, какъ о воздыханіи твари, ожидающей свободы чады Божіихъ. Въ словѣ на Юліана, приведши слова Исаи: *да возрадуется небо свыше и облацы да кропятъ правду* (45, 8), *да отрунутъ горы веселіе и холмы радость* (49, 13), онъ продолжаетъ: «и вся тварь и небесныя силы раздѣляютъ наши чувствованія (присоуюкупаю это отъ себя), даже при событіяхъ, подобныхъ настоящему. — Тварь, работающая тлѣнію, т. е. тѣмъ, которые долу раждаются и умираютъ, не только совоздыхаетъ и соболѣзнуетъ въ ожиданіи конца ихъ и откровенія, чтобы тогда и ей получить чаемую свободу, подобно, какъ нынѣ, силою Творца, невольно предана тлѣнію, — но также прославляется и сорадуется, когда веселятся чада Божіи» (2).

Итакъ міръ, по сотвореніи, подвергся разстройству во всѣхъ своихъ областяхъ, по винѣ существъ разум-

(1) Ч. 2, стр. 159.

(2) Ч. 1, стр. 94.

ныхъ, одаренныхъ свободою. Что же сдѣлалъ Богъ для его возстановленія и для возвращенія къ Себѣ отпадшихъ существъ, и, во-первыхъ, отпадшихъ духовъ?

Св. Григорій не говоритъ ничего о томъ, было ли дано Богомъ сколько нибудь времени падшимъ духамъ для покаянія и до нѣкотораго времени были ли они способны обратиться къ Богу. Его вниманіе главнымъ образомъ занято великимъ дѣломъ возстановленія падшаго человѣка и образа Божія въ немъ.

Основаніе для возстановленія человѣка заключается, по ученію св. Григорія, въ образѣ Божіемъ, находящемся въ человѣкѣ, который хотя омраченъ въ немъ, но сохранилъ свои существенныя черты, — въ умѣ, который хотя и отвратился отъ Бога, тѣмъ не менѣе съ мучительною жаждою искалъ этого свѣта, а также въ немощи естества человѣческаго, по которому наши прародители поддались обольщенію діавола. О послѣднемъ св. отецъ говоритъ такъ: «поелику вовсе не грѣшить свойственно Богу — первому и несложному естеству (ибо простота мирна и безмятежна), а также, осмѣлюсь сказать, естеству ангельскому или естеству ближайшему къ Богу, по причинѣ самой близости (потому что сложность есть начало мятежа): то Владыка не благоразсудилъ оставить тварь свою безпомощною и пренебречь ее, когда она въ опасности возмутиться противъ Него» (1).

Какія же средства употребилъ Богъ для возстановленія человѣка или, выражаясь языкомъ Григорія, для возвращенія этому померкшему свѣту его свѣтозарности? «Въ прегражденіе многихъ грѣховъ, говоритъ св. отецъ, какіе произрасталъ корень поврежденія отъ разныхъ при-

(1) Ч. 3, стр. 276.

чипъ и въ разныя времена, человѣкъ и прежде *вразум-
ляемъ* былъ многообразно: словомъ, закономъ, пророка-
ми, благодѣяніями, угрозами, карами, наводненіями, по-
жарами, войнами, побѣдами, пораженіями, знаменіями
небесными, знаменіями въ воздухѣ, на землѣ, на морѣ,
несождаемыми переворотами въ судьбѣ людей, городовъ,
народовъ, — все это имѣло цѣлю загладить поврежде-
ніе» (1). Особеннымъ же средствомъ для этого былъ пи-
санный Законъ, который св. Григорій называетъ «*свя-
томъ прообразовательнымъ*, соразмѣреннымъ съ силами
пріемлющихъ его, прикрывающимъ истину и тайну ве-
ликаго Свѣта» (2).

«Когда же евреи презрѣли законъ, и по причинѣ силь-
нѣйшихъ недуговъ человѣчества: человекоубійство, пре-
любодѣяній, клятвopеступленій, муженевостовства и се-
го послѣдняго изъ вѣхъ золъ, — пделослужевія и покло-
ненія твари вмѣсто Творца, стало пужно сильнѣйшее вра-
чевство; тогда само Божіе Слово, предвѣчное, невидимое,
непостижимое, безтѣлесное, Начало отъ Начала, Свѣтъ
отъ Свѣта, Источникъ жизни и безсмертія, Отпечатокъ
Первообраза, Печать непереносимая, Образъ неизмѣняе-
мый, опредѣленіе и Слово Отца, приходитъ къ своему
образу, носить плоть ради плоти, соединяется съ разум-
ною душою ради моей души, очищая подобное подоб-
нымъ, дѣлается человѣкомъ по всему, кромѣ грѣха. Хо-
тя чревоносить Дѣва, въ которой душа и тѣло предо-
чищены Духомъ (ибо надлежало и рожденію почтить и
дѣвство предпочесть); однакоже Происшедшій есть Богъ
и съ воспріятымъ (человѣческимъ естествомъ) отъ Не-

(1) Ч. 4, стр. 160.

(2) Ч. 3, стр. 275; снес. ч. 4, стр. 164—165.

го единое изъ двухъ противоположныхъ — плоти и Духа, изъ которыхъ одинъ обожилъ, другая—обожена» (1). «Въ двухъ естествахъ единый есть Богъ — мой Царь и Христосъ; потому что соединенъ съ Божествомъ и изъ Божества сталъ человѣкомъ, чтобы, явившись среди земнородныхъ другимъ, новымъ Адамомъ, уврачевать прежняго Адама. Но Онъ явился, отвсюду закрывшись завѣсою; потому что иначе невозможно было бы приблизиться къ моимъ немощамъ, и притомъ нужно было, чтобы змій, почитающій себя мудрымъ, приступивъ къ Адаму, сверхъ чаянiя встрѣтилъ Бога и о крѣпость Его сокрушилъ свою злобу, какъ шумное море сокрушается о твердый утесъ» (2). Воспрiятiе Сыномъ Божиимъ естества человѣческаго въ единство Божеской впостаси — *велия благочестiя тайна*. Чтобы однакожь сколько нибудь прояснить ее для себя, св. Григорiй полагаетъ для соединенiя двухъ естествъ во Иисусѣ Христѣ, Божескаго и человѣческаго, чѣмъ-то посредствующимъ умъ человѣческой. «О новое смѣшенiе! О чудное растворенiе! — восклицаетъ онъ. — Сый начпнаеть бытiе; Несозданный созидается; Необъемлемый объемлется чрезъ разумную душу, посредствующую между Божествомъ и грубою плотiю» (3). Къ такому объясненiю тайны вочеловѣченiя Сына Божiя, св. отцу естественно было обратиться, при своемъ взглядѣ на умъ человѣческой, какъ на что-то божественное, сродное Богу. Но было бы жестокою ошибкою на этомъ основанiи заключать, будто св. Григорiй недалекъ былъ отъ заблужденiя аполинаристовъ, которые говорили: «Божество замѣняло во Христѣ умъ; потому и не было нужды въ человѣческомъ

(1) Ч. 4, стр. 160—161.

(2) Ч. 4, стр. 248.

(3) Ч. 4, стр. 161. ч. 5, стр. 47.

умѣ. Въ Немъ было Слово Божественное, умъ полный; къ чему же тутъ умъ человѣческій?» Напротивъ, св. отецъ былъ жаркимъ противникомъ этихъ еретиковъ и на ихъ слова, приведенныя нами, въ одномъ мѣстѣ говорить: «Божество съ одною плотію еще не человѣкъ, а также и съ одною душою, или съ плотію и душою, но безъ ума, который преимущественно отличаетъ человѣка. Итакъ, чтобы оказать мнѣ совершенное благодѣяніе, соблюди цѣлаго человѣка и присоедини Божество» (1).

«Но когда, говорить св. Григорій, явился Предреченный пресвѣтлымъ свѣтильникомъ великаго Свѣта, предтечею въ рожденіи, предтечею и въ словѣ, воиющимъ среди пустыни, что Христосъ мой есть Богъ, тогда сталъ Онъ посредникомъ двухъ народовъ, — одного дальняго, другаго ближняго, потому что былъ общимъ для нихъ краеугольнымъ камнемъ» (2). Какимъ же образомъ этотъ великій посредникъ между Богомъ и человѣчествомъ возстановилъ человѣчество и примирилъ его съ Богомъ?

Во-первыхъ, своимъ ученіемъ. Въ немъ Онъ сообщилъ людямъ истинное вѣдѣніе о Богѣ и ихъ отношеніи къ Богу, какъ Свѣтъ и Свѣтодавецъ (3). Во-вторыхъ — своимъ истощеніемъ съ минуты рожденія до крестной смерти. Этимъ Спаситель примирилъ Бога, прогнѣваннаго беззаконіями людей, и искупилъ насъ отъ грѣха, проклятія и смерти. «Для нашего освобожденія, говорить св. Григорій, Онъ послужилъ плоти, рожденію, немощамъ нашимъ и всему, чѣмъ спасъ содержимыхъ подъ грѣхомъ» (4). «Но чтобы познать ты глубину мудрости и богатство не-

(1) Ч. 4, стр. 200; снес. ч. 5, стр. 46—47.

(2) Ч. 4, стр. 249.

(3) Ч. 3, стр. 100. 252.

(4) Ч. 3, стр. 80.

изслѣдимыхъ судовъ Божіихъ, самыя жертвы не оставилъ. Богъ вовсе неосвященными, несовершенными и ограничивающимися однимъ пролитіемъ крови; но къ подзаконнымъ жертвамъ присоединяется великая и относительно къ первому естеству, такъ сказать, незакалаемая Жертва—очищеніе не малой части вселенной и не на малое время, но цѣлаго міра и вѣчное» (1).

Наконецъ Христось — Спаситель совершилъ и совер-

---

(1) Ч. 4, стр. 165. Со времени Иринея и въ особенности Оригена, по причинѣ слишкомъ буквальнаго разумѣнія слова: *λύτρον* встречающагося въ Новомъ Заветѣ, между нѣкоторыми ходило мнѣніе, что Спаситель далъ душу свою сатанѣ въ выкупъ за людей и тѣмъ освободилъ ихъ изъ-подъ владычества сатаны, у котораго они содержались въ плѣну. Эта мысль во времена св. Григорія ходила въ различныхъ видахъ. Нѣкоторые по грубости понятій допускали даже, что Христось — Спаситель вступилъ какбы въ торгъ съ сатаною и для освобожденія людей предложилъ Себя въ цѣну искупленія, и сатана согласился на условіе, но послѣ увидѣлъ, что обманулся; потому что не могъ удержать подъ своею властію Иисуса, имѣющаго Божественную святость и силу. Поэтому св. Григорій и останавливается на изслѣдованіи вопроса: «кому и для чего пролита сія издѣивная за насъ кровь — кровь великая и преслѣзная Бога и архіерея и жертвы?»—и говоритъ: «мы были во власти лукаваго, проданные подъ грѣхъ и сластолюбіемъ купившіе себѣ поврежденіе. А если цѣна искупленія дается не иному кому, какъ содержащему во власти; то спрашиваемъ кому и по какой причинѣ принесена такая цѣна? Если лукавому, то какъ это оскорбительно! Разбойникъ получаетъ цѣну искупленія, получаетъ не только отъ Бога, но самаго Бога, за свое мучительство беретъ такую безмѣрную плату, что за нее справедливо было пощадить и насъ! А если Отцу, то, во-первыхъ, какимъ образомъ? Не у Него мы были въ плѣну. А во-вторыхъ, по какой причинѣ кровь Елинороднаго пріятна Отцу, который не принялъ и Исаака, приносимаго отцемъ, но замѣнилъ жертвоприношеніе, вмѣсто словесной жертвы даявъ овна? Или изъ сего видно, что пріеязнь Отецѣ, не потому, чтобы требовалъ или имѣлъ нужду, но по домостроительству и потому, что человѣку нужно было освятиться челоуѣчествомъ Бога, чтобы Онъ самъ избавилъ насъ, преодолевъ мучителя силою, и возвелъ насъ къ Себѣ чрезъ Сына посредствующаго и все устрояющаго въ честь Отца, которому оказывается Онъ во всемъ покорствующимъ? Таковы дѣла Христовы». Ч. 4, стр. 175, 176.

шаетъ спасеніе, какъ Царь, приводящій къ покорности и подчинившій своему царствію тѣхъ, которые добровольно признають Его царемъ» (1). Онъ основалъ для людей на землѣ Церковь свою, благодатное царство, въ которомъ каждый человѣкъ можетъ найдти для себя всѣ средства къ тому, чтобы возстановить въ себѣ образъ Божій и соединиться съ Богомъ.

Этими богодарованными средствами служатъ св. таинства Церкви. Ученіе о таинствахъ въ твореніяхъ св. отца вообще не раскрыто полно. Онъ останавливаетъ свое вниманіе только на двухъ: Крещеніи и Евхаристіи, безъ сомнѣнія потому, что не имѣлъ случая нарочито говорить о другихъ таинствахъ.

Возстановленіе человѣка и его просвѣщеніе, учитъ св. Григорій, начинается крещеніемъ. Въ словѣ на крещеніе, перечисливъ нѣсколько свѣтовъ, св. отецъ говоритъ: «сверхъ того, свѣтъ въ собственномъ, смыслѣ есть просвѣщеніе крещеніемъ, о которомъ у насъ нынѣ слово и въ которомъ заключается великое и чудное таинство нашего спасенія.» И нѣсколько ниже: «сія благодать и сила крещенія не потопляетъ міра, какъ древле, но очищаетъ грѣхъ въ каждомъ человѣкѣ и совершенно измываетъ всякую нечистоту и скверну, привнесенную поврежденіемъ. Поелику же мы состоимъ изъ двухъ естествъ, т. е. изъ души и тѣла, изъ естества видимаго и невидимаго; то и очищеніе двоякое, именно: водою и Духомъ: и одно пріемлется видимо и тѣлесно, а другое въ тоже время совершается нетѣлесно и невидимо; одно есть образное, а другое истинное и очищающее самыя глубины; вспомошествуя первому рожденію, крещеніе

---

(1) Ч. 3, стр. 81.

изъ ветхихъ дѣлаеть насъ новыми, изъ плотскихъ, каковы мы нынѣ, богоподобными, разваря безъ огня и возсоидая безъ разрушенія. Кратко сказать: подъ силою крещенія разумѣть должно завѣтъ съ Богомъ о вступленіи въ другую жизнь и о соблюденіи большей чистоты» (1). Въ другомъ мѣстѣ Святитель крещеніе называетъ очистительнымъ *огнемъ*, говоря: «знаю огонь очистительный, который *возрещи на землю* (Лук. 12, 49) пришелъ Христось, и Самъ сравнительно называемый *огнемъ* (Евр. 12, 29). Онъ истребляетъ вещество и злые навыки; почему Христось и хочетъ, чтобы онъ скорѣе возгорѣлся (Лук. 12, 49); ибо желаетъ ускорить благодѣяніе, когда и *улие огненное* даетъ намъ *въ помощь* (Ис. 47, 14, 15)» (2). Спасительная сила крещенія, по ученію св. Григорія, не зависитъ отъ нравственной чистоты крещающаго. «Не виикай, говоритъ онъ, въ достовѣрность проповѣдника или крестителя. У нихъ есть другой Судія, испытующій и невидимое; потому что человекъ зреть на лице, Богъ же на сердце (1 Цар. 16, 7). А для очищенія тебя всякій достоинъ вѣры; только бы онъ былъ изъ числа получившихъ на то власть, не осужденныхъ явно и не отчужденныхъ отъ Церкви» (3). Далѣе,—хотя крещеніе очищаетъ человека отъ грѣховъ и соединяетъ съ Богомъ, освобождая отъ власти діавола, тѣмъ не менѣе враждебныя дѣйствія этого врага не прекращаются и послѣ крещенія. «Если послѣ крещенія приразится къ тебѣ, говоритъ св. Григорій, *врагъ свѣта* и искустель, то имѣешь чѣмъ побѣдить его. Не страшись подвига, противопоставь воду, противопоставь

(1) Ч. 3, стр. 276 — 277.

(2) Ч. 3, стр. 310.

(3) Ч. 3, стр. 298 — 299.

Духа, симъ угасятся *вся стрѣлы лукаво разжженыя*» (1).

Излагая ученіе о крещеніи, св. Григорій останавливается между прочимъ на слѣдующихъ вопросахъ: должно ли крестить младенцевъ, и какая судьба младенцевъ, отходящихъ отсюда безъ крещенія?

На вопросъ: крестить ли младенцевъ, которые еще не чувствуютъ ни вреда, ни благодати? — св. отецъ, имѣя въ виду и здѣсь умъ — развитіе сознанія въ человѣкѣ, отвѣчаетъ такъ: «непремѣнно, если настоятъ опасность. Ибо лучше безъ сознанія освятиться, нежели умереть незапечатлѣннымъ и несовершеннымъ. Доказательствомъ тому служить осмодневное обрѣзаніе, которое въ прообразовательномъ смыслѣ было нѣкоторою печатію и совершалось надъ неполучившими еще употребленія разума; а также помазаніе пороговъ, чрезъ неодушевленные вещи, сохранившее первенцевъ. О прочихъ же малолѣтнихъ даю такое *мнѣніе*: дождавшись трехлѣтія, или нѣсколько ранѣе или нѣсколько позже, *когда дѣти могутъ уже понимать* нѣсколько или *произносить слова* таинства, хотя не понимая совершенно, однакожь напечатлѣвая ихъ въ умѣ, мы должны освящать ихъ души и тѣла великимъ таинствомъ совершенія. Причина же этому слѣдующая: хотя дѣти тогда начинаютъ подлежать отвѣтственности за жизнь, когда и разумъ придетъ въ зрѣлость и начнутъ они понимать таинство (потому что за грѣхи невѣдѣнія не взыскивается съ нихъ по причинѣ возраста); однакоже оградиться имъ крещеніемъ, безъ сомнѣнія, гораздо полезнѣе, по причинѣ внезапно встрѣ-

---

(1) Ч. 3, стр. 279.

чающихся съ ними и никакими способами не предотвратимыхъ опасностей» (1).

Отвѣчая на послѣдній вопросъ—о судьбѣ младенцевъ, умирающихъ безъ крещенія, св. отецъ говоритъ, что они «не будутъ у праведнаго Судии ни прославлены, ни наказаны; потому что хотя не запечатлѣны, однакоже и не худы, и больше сами потеряли, нежели сдѣлали вреда. Не всякій, недостойный наказанія, достоинъ уже и чести; равно какъ не всякій, недостойный чести, достоинъ уже наказанія» (2). Конечно, здѣсь нельзя видѣть положительнаго образа мыслей Григорія о томъ, что будетъ съ некрещенными младенцами. Они, по его словамъ, не будутъ ни блаженны, ни несчастны. Но имѣя въ виду то, что св. Григорій говоритъ объ умѣ и его усиленномъ стремленіи къ высочайшему Свѣту, при всемъ своемъ омраченіи и при всей связи съ тѣломъ, этимъ покровомъ, сдѣлавшимся еще непроницаемѣе по грѣхонаденіи прародителей, мы можемъ со всею вѣроятностію полагать, что св. отецъ допускалъ блаженство въ будущей жизни и младенцевъ, лично невинныхъ, которые тамъ, безъ сомнѣнія, только сначала находясь въ нерѣшительномъ состояніи и не заслуживая ни награды ни наказанія, естественно должны потомъ восходить отъ созерцанія къ созерцанію и отъ блаженства къ блаженству, и тѣмъ легче, что тамъ ихъ умы не будутъ омрачаться грубымъ покровомъ тѣла. Эта мысль была бы неумѣстна въ ученіи св. отца въ томъ только случаѣ, если бы онъ допускалъ рѣшительное состояніе некрещенныхъ младенцевъ — несчастное. Чего не досказалъ объ нихъ св. Григорій

(1) Ч. 3, стр. 301 — 302.

(2) Ч. 3, стр. 293 — 294.

Богословъ, то досказалъ и обстоятельно раскрылъ въ особомъ трактатѣ братъ друга Григоріева—Василія, Григорій Писскій—очень можетъ быть—на основаніи словъ своего соименника въ частной бесѣдѣ съ нимъ.

Объ Евхаристіи св. отецъ говоритъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и требуетъ особенно отъ священнослужителя, который совершаетъ священнодѣйствіе этого таинства, святаго, Богу преданнаго сердца, чистоты внутренней и виѣшней. Хлѣбъ и вино въ Евхаристіи онъ исповѣдуетъ истиннымъ тѣломъ и истинною кровію Христовою. Въ словѣ на Пасху, говоря о жезлахъ, которые были въ рукахъ израильтянъ при яденіи пасхальнаго агнца, онъ учитъ такъ: «законъ повелѣваетъ тебѣ взять жезлъ для опоры, чтобы ты не преткнулся мыслию, когда слышишь о крови, страданіи и смерти Бога, и, думая стать защитникомъ Божиимъ, не впалъ въ безбожіе. Напротивъ того смѣло и не сомнѣваясь вкушай тѣло и пей кровь, если желаешь жизни» (1). А въ похвальномъ словѣ сестрѣ своей Горгоніѣ, онъ рассказываетъ частный случай изъ ея жизни, свидѣтельствующій о спасительной силѣ Евхаристіи не только для души, но и для тѣла (2).

Но чтобы св. таинства Церкви могли принести чело-
вѣку дѣйствительно пользу и служили для ея восстано-
вленія, для этого со стороны челоѣка требуются вѣра и
добрыя дѣла. «Какъ дѣло безъ вѣры не пріемлется, го-
воритъ св. Григорій, потому что многіе дѣлають добро
ради славы и по естественному расположенію, такъ и

---

(1) Ч. 4, стр. 173.

(2) Ч. 1, стр. 283—284.

вѣра безъ дѣлъ мертва» (1). Что же касается до того, какой образъ жизни предпочтительнѣе въ отношеніи къ нравственному преспѣванію человѣка, то понятно, что св. Григорій, уже при одномъ своемъ взглядѣ на умъ человѣка и при своемъ личномъ настроеніи, долженъ былъ отдавать предпочтеніе жизни созерцательной предъ дѣятельною, подвижнической предъ обыкновенною жизнію въ мірѣ. Не говоримъ объ основаніяхъ для этого предпочтенія, какія св. отецъ могъ находить въ св. Писаніи и въ ученіи Церкви. Впрочемъ, рассматривая тотъ и другой образъ жизни не безотносительно, а въ приложеніи къ частнымъ лицамъ, онъ соглашается, что для нѣкоторыхъ лучше проводить обыкновенный образъ жизни. «Чему отдать предпочтеніе, спрашиваетъ онъ, дѣятельной или созерцательной жизни?—и отвѣчаетъ: въ созерцаніи могутъ упражняться совершенные, а въ дѣятельности многіе. Правда, что то и другое и хорошо и вождѣбно; но ты къ чему способенъ, къ тому и простирайся особенно» (2).

Сущность нравственно-христіанской жизни св. Григорій поставляетъ въ борьбѣ стремленій духовныхъ съ чувственными, разумныхъ съ неразумными, въ борьбѣ, изъ которой человѣкъ можетъ выдти побѣдителемъ только при благодатной помощи. «Два, говоритъ онъ, точно два во мнѣ *ума*: одинъ добрый,—и онъ слѣдуетъ всему прекрасному; а другой худой,—и онъ слѣдуетъ худому. Одинъ умъ ведетъ къ свѣту и готовъ покаяться Христу; а другой умъ плоти и крови влечется во мракъ, и согласенъ отдаться въ плѣнъ веляру. Одинъ увеселяется

(1) Ч. 2, стр. 296.

(2) Ч. 5, стр. 200; снес. ч. 2, стр. 3.

земнымъ, ищетъ для себя полезнаго не въ постоянномъ, но въ преходящемъ, любитъ пиршества, ссоры, обременительное пресыщеніе, срамоту темныхъ дѣлъ и обманы, идетъ широкимъ путемъ и, покрытый непроницаемою мглою неразумія, забавляется собственною гибелью; а другой восхищается небеснымъ и уповаемымъ, какъ настоящимъ, въ одномъ Богѣ полагаетъ надежду жизни, здѣшнее же, подверженное различнымъ случайностямъ, считаетъ ничего нестоящимъ дымомъ, любитъ нищету, труды и благія заботы, и идетъ тѣснымъ путемъ жизни. Видя ихъ борьбу, Духъ великаго Бога нисходитъ свыше и подастъ помощь уму, прекращая возстаніе безыюкной плоти, или усмиряя волнующіяся воды черныхъ страстей» (1). Потому-то, «добродѣтель не даръ только великаго Бога, почтившаго свой образъ; потому что нужно и твое стремленіе. Она не произведеніе и твоего только сердца; потому что потребна превосходнѣйшая сила. Хотя и очень остро мое зрѣніе, однакожѣ видитъ зримые предметы не само собою и не безъ великаго свѣтила, которое освѣщаетъ мои глаза и само видимо для глазъ. И къ преуспѣянію моему нужны двѣ доли отъ великаго Бога, именно: первая и послѣдняя, а также одна доля и отъ меня. Богъ сотворилъ меня воспріимчивымъ къ добру. Богъ подаетъ мнѣ и силу, а въ срединѣ я—текущій на поприщѣ. Я не очень легокъ на ногу, но не безъ надежды на награду напрягаю свои мышцы въ бѣгу; потому что Христось—мое дыханіе, моя сила, мое чудное богатство. Онъ дѣлаетъ меня и зоркимъ и доброшественнымъ. А безъ Него всѣ мы—смертныя игральща суеты, живые мертвецы, смердящіе грѣхами. Ты не видывалъ,

(1) Ч. 4, стр. 303 — 306.

чтобы птица летала, гдѣ нѣтъ воздуха,—чтобы дельфинъ плавалъ, гдѣ нѣтъ воды; такъ и человѣкъ безъ Христа не заносить вверхъ ногъ» (1).

Когда пройдетъ опредѣленное Богомъ для возстановленія человѣчества время, одни изъ людей навѣки соединятся съ Богомъ, котораго искали въ теченіи земной жизни, и будутъ вѣчно блаженствовать; другіе будутъ отвержены за небреженіе о средствахъ возстановить нарушенный завѣтъ съ своимъ Творцемъ и будутъ преданы на вѣчное мученіе съ діаволомъ и его ангелами. Блаженство праведниковъ въ жизни будущей св. Григорій поставляетъ главнымъ образомъ и преимущественно въ созерцаніи высочайшихъ совершенствъ Трїедиаго Бога. «Они, говоритъ св. отецъ, наследуютъ неизреченный свѣтъ святой и царственной Троицы, которая будетъ тогда озарять яснѣе и чище, и всецѣло соединится съ всецѣлымъ умомъ, въ чемъ одномъ и поставлю собственно царствіе небесное» (2). Но если праведниковъ въ будущей жизни ожидаетъ блаженное созерцаніе Троичнаго Свѣта; то грѣшникамъ, по ученію св. отца, угрожаютъ тамъ муки неугасимаго огня. Въ словѣ на св. Крещеніе, сказавши объ огнѣ, очищающемъ грѣховныя нечистоты, св. отецъ говоритъ: «знаю огонь и не очистительный, но карательный,—огонь, который за одно дѣйствуетъ съ червемъ неусыпающимъ, неугасимъ и увѣковѣченъ для злыхъ. Ибо все это показываетъ силу истребительную, если только не угодно кому и здѣсь представлять это человѣколюбивѣе и сообразно съ достоинствомъ наказующаго» (3). Какъ понимать эти слова св.

(1) Ч. 4, стр. 255.

(2) Ч. 2, стр. 56. 162.

(3) Ч. 3, стр. 310 — 311.

отца?... Можно понимать и буквально; отвергать въ нихъ смыслъ буквальный мы не имѣемъ никакого основанія. Съ другой стороны творенія Богослова ведутъ насъ въ пониманіи вышеприведенныхъ словъ далѣ буквы. Въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что «какъ солнце обличаетъ слабость глаза, такъ Богъ (этотъ высочайшій свѣтъ) пришествіемъ своимъ—немошь души, и для однихъ Онъ *свѣтъ*, а для другихъ *огонь*, смотря по тому, какое вещество встрѣчаетъ въ каждомъ» (1). Между тѣмъ, по его мысли, и умъ человѣческій, будучи какъ бы частицей Божества, есть также свѣтъ, свѣтъ божественный и неугасимый (2); а слѣдовательно и онъ также можетъ быть для однихъ свѣтомъ, а для другихъ огнемъ. Соображая это съ тѣмъ, что говоритъ Святитель о неугасаемомъ огнѣ для грѣшниковъ и о блаженствѣ праведниковъ, и имѣя въ виду то, что онъ всегда останавливаетъ вниманіе не столько на чувственной сторонѣ человѣка, сколько на духовной, мысль св. отца, заключающуюся въ вышеприведенныхъ словахъ объ огнѣ карательномъ, мы можемъ съ болѣею полнотою и опредѣленностію выразить такъ: Богъ въ день суда представить грѣшникамъ, къ ихъ вѣчному стыду и мученію, во всемъ свѣтѣ ихъ нравственное безобразіе и недостойнство, содѣлаетъ ихъ безотвѣтными и подвергнетъ вѣчному отверженію отъ Своего лица (3). Въ ихъ душахъ между тѣмъ потребность созерцать Бога останется неизгладимою, потому что у каждаго изъ нихъ останется умъ. Такимъ образомъ и этотъ свѣтъ божественный и неугасимый, постоянно требуя сроднаго себѣ и не находя его, въ свою очередь будетъ

(1) Ч. 1, стр. 290.

(2) Ч. 4, стр. 240.

(3) Ч. 2, стр. 36.

вѣчно мучить грѣшниковъ, будетъ не свѣтитъ имъ, а жечь, палить ихъ души. Конечно, этотъ огонь внутренней не исключаетъ виѣшняго огня вещественнаго.

Представляя Бога свѣтомъ, съ другой стороны видимый свѣтъ считая для міра чувственнаго тѣмъ же, что Богъ для міра духовнаго (1), св. Григорій при своей любви къ умозрѣнію не могъ, конечно, не останавливать своего вниманія и на связи дѣйствій великаго Свѣта духовнаго, направленныхъ къ возстановленію и просвѣщенію падшаго человѣка, съ особенными явленіями свѣта чувственнаго въ мірѣ видимомъ. Сознаніе этой связи очень замѣтно проглядываетъ у него въ словѣ на Крещеніе, гдѣ перечисливши нѣсколько свѣтовъ, онъ говоритъ такъ: «свѣтъ также прѣобразовательный и соразмѣренный съ силами пріемлющихъ его есть писанный Законъ, прикрывающій истину и тайну великаго Свѣта; почему и лицо Моисеево имъ прославляется.... Свѣтъ былъ и явившееся Моисею во огнѣ, когда видѣніе это пылало, но не сожигало купины, чтобы и естество показать и силу явить. Свѣтъ—и путеводившее Израиля въ столпѣ огненномъ и дѣлавшее пустыню пріятною. Свѣтъ—восхитившее Илию на огненной колесницѣ и не опалившее восхищаемого. Свѣтъ—облиставшее пастырей, когда довременный Свѣтъ соединился съ временнымъ. Свѣтъ—и та красота звѣзды, предшествовавшей въ Вифлѣемѣ, чтобы и волхвамъ указать путь и сопутствовать Свѣту, который превыше насъ и соединился съ нами. Свѣтъ—явленное ученикамъ на горѣ Божество, впрочемъ нестерпимое для слабаго зрѣнія. Свѣтъ—облиставшее Павла видѣніе и пораженіемъ очей урочававшее тьму душев-

---

(1) Ч. 2, стр. 176—177.

ную. Свѣтъ — и тамошняя свѣтлость для очистившихся здѣсь, когда *праведницы просвѣтятся яко солнце* (Матѹ. 13, 43) и станетъ Богъ посредѣ ихъ, боговъ и царей, распредѣляя и раздѣляя достоинство тамошняго блаженства» (1).

Такъ глубоко проникалъ св. Григорій въ тайны богословія; но въ тоже время онъ смиренно сознавалъ и со всею ревностію, достойною учителя вселенской Церкви, защищалъ противъ хвастливыхъ евноміанъ истину непостижимости существа Божія. Раскрытіе и этой истины, какъ и другихъ, при всемъ согласіи съ общимъ ученіемъ Церкви, у св. Григорія своеобразно. Во-первыхъ, раскрывая мысль, что Богъ непостижимъ, онъ имѣетъ въ виду не столько непостижимость Божію вообще для сотворенныхъ, ограниченныхъ существъ, сколько непостижимость *для человека*. Потому-то на непостижимость существа Божія для ангеловъ онъ указываетъ какъ бы мимоходомъ; между тѣмъ какъ другіе учителя Церкви говорятъ объ этомъ подробно, имѣя въ виду болѣе общее отношеніе существа Божія къ постиженію разумныхъ существъ: такъ, напримѣръ, св. Златоустъ раскрытію мысли, что существо Божіе непостижимо даже для ангеловъ, посвящаетъ все третье слово противъ аномеевъ и большую часть четвертаго. Во-вторыхъ, св. Григорій ограничиваетъ и свои разсужденія о непостижимости существа Божія для человека, именно—настоящею жизнію человека; онъ главнымъ образомъ разъясняетъ то, что знаніе человека о Богѣ, *пока человекъ находится въ здѣшней жизни*,—знаніе неполное, несовершенное, которое можетъ быть приобрѣтаемо только мало по малу, при содѣйствіи самаго Бога.

---

(1) Ч. 3, стр. 275—276.

Причины ограниченности и неполноты знанія чело­вѣческаго о Богѣ въ здѣшней жизни св. отецъ находитъ съ одной стороны въ чело­вѣкѣ. Пока чело­вѣкъ живетъ еще на землѣ, онъ не можетъ освободиться вполнѣ отъ нравственной порчи, которая отъ прародителя переходитъ на каждаго изъ его потомковъ. Но чтобы бесѣдовать съ Чистымъ и всецѣло воспринимать свѣтъ Божества, намъ должно, по словамъ св. Григорія, сперва самихъ себя очистить, если не хотимъ потерпѣть одного съ Израилемъ, который не вынесъ славы лица Моисеева и потому требовалъ покрывала,—не хотимъ испытать и сказать съ Маноемъ, удостоеннымъ видѣнія Божія: *поибли мы, жена, яко Бога видѣхомъ* (Суд. 13, 22), — не хотимъ, подобно Петру, высылать съ корабля Иисуса, какъ недостойные такого посѣщенія,—не хотимъ потерять зрѣнiе, подобно Павлу, до очищенiя отъ гоненiй вступившему въ сообщенiе съ Гонимымъ или, лучше сказать, съ малымъ блистающимъ великаго Свѣта» (1). Притомъ же, какъ бы высоко ни стоялъ чело­вѣкъ по степени своего нравственнаго преспѣянiя; его духъ постоянно соединенъ въ этой жизни съ де­белою плотiю, которая, какъ покровъ, или какъ мгла, отдѣлявшая нѣкогда израильтянъ отъ египтянъ (2), лежитъ на умѣ и не позволяетъ ему непосредственно созерцать чистый свѣтъ Божества. «Совершенно обнять мыслию столь высокiй предметъ, говоритъ св. отецъ, не имѣютъ ни силъ ни средствъ не только люди оцѣпенѣвшiе, но даже весьма возвышенные и боголюбивые, равно какъ и всякое рожденное естество, для котораго этотъ мракъ—эта грубая плоть слу-

(1) Ч. 3, стр. 239. 147.

(2) Ч. 3, стр. 28.

жить препятствіемъ къ уразумѣнію истины» (1). Плоть препятствуетъ уму человѣческому всецѣло созерцать Бога, по мысли св. Григорія, собственно тѣмъ, что къ его чистому, единичному представленію о Богѣ, какъ Духѣ чистѣйшемъ, она всегда примѣшиваетъ представленія сложности, тѣлесности. «Намъ, *узникамъ земнымъ*, какъ говоритъ божественный Іеремія (Плач. 3, 34), намъ, покрытымъ этою грубою плотію, извѣстно то, что какъ невозможно обогнать свою тѣнь, сколько бы кто ни спѣшилъ,—потому что она на столько же подается впередъ, на сколько бываетъ захвачена,—или какъ зрѣніе не можетъ сблизиться съ зримыми предметами безъ посредства свѣта и воздуха, или какъ породы плавающихъ въ водѣ не могутъ жить внѣ воды; такъ и находящемуся въ тѣлѣ нѣтъ никакой возможности быть въ общеніи съ умо-созерцаемымъ безъ посредства чего-либо тѣлеснаго. Ибо всегда привзойдетъ что-либо наше, сколько бы ни усиливался умъ прилѣпиться къ сродному и невидимому, какъ можно болѣе отрѣшаясь отъ видимаго и уединяясь самъ въ себя» (2). Съ другой стороны самъ Богъ, по любимому выраженію св. Григорія, нарочито *скрываетъ Себя во мракъ*, открывая Себя человѣку въ этой жизни только отчасти, мало по малу,—по мѣрѣ его усилій просвѣщая его умъ и убѣгая отъ высоты и выпренности ума,—столько всегда удаляясь, сколько постигается (3). Для чего же? «Сколько можемъ постигать мы, говоритъ св. отецъ, это нужно, можетъ быть, для того, чтобы удобство пріобрѣтенія не дѣлало удобною и потерю пріобрѣтеннаго... А можетъ быть, нужно и для того, чтобы

(1) Ч. 3, стр. 20.

(2) Тамъ же стр. 28.

(3) Ч. 1, стр. 63.

не потерпѣть намъ одной участи съ Денницею, чтобы, пріавъ въ себя всецѣлый свѣтъ, *не ожесточить выи предъ Господомъ Вседержителемъ* (Іов. 15, 25) и не пасть отъ превозношенія самымъ жалкимъ паденіемъ» (1); или же наконецъ для того, чтобы «постигаемымъ привлекать насъ къ Себѣ (ибо совершенно непостижимое безнадежно и недоступно), а непостижимымъ приводить въ удивленіе, чрезъ удивленіе же возбуждать большее желаніе, чрезъ желаніе очищать и чрезъ очищеніе содѣлывать богоподобными» (2).

Но стѣсняя предѣлы богопознанія для человѣка въ этой жизни, св. отецъ распространяетъ ихъ въ жизни будущей. О богопознаніи въ томъ вѣкѣ онъ выражается, что мы тогда познаемъ Бога *всецѣло всецѣлымъ умомъ*, познаемъ Его *столько же, сколько сами Имъ познаны или сколько Онъ самъ знаетъ Себя*, что мы познаемъ относительно Троицы, *что она, какова и колѣка*. Вотъ нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ онъ высказываетъ свои мысли объ этомъ предметѣ. Въ словѣ противъ евноміанъ, послѣ нѣкоторыхъ разсужденій о бытіи Божіемъ и непостижимости существа Божія, онъ говоритъ: «Бога, что Онъ по естеству и сущности, никто изъ людей никогда не находилъ и, конечно, никогда не найдетъ», — и затѣмъ продолжаетъ: «а если и найдетъ когда-нибудь, то пусть разыскиваютъ и любомудрствуютъ объ этомъ желающіе. Найдеть же, какъ я разсуждаю, когда это богоподобное и божественное наше, т. е. умъ нашъ и слово, соединится съ сроднымъ себѣ, когда образъ взойдетъ къ Первообразу, къ которому теперь стремится. И это, какъ

(1) Ч. 3, стр. 27—28; снес. ч. 2, стр. 40.

(2) Ч. 3, стр. 238 — 239.

думаю, выражается въ томъ, весьма любомудромъ ученіи, по которому познаемъ нѣкогда, сколько сами познаны» (1). Въ словѣ въ похвалу Ирона философа (или Максима), внушая ему не домогаться постигнуть образъ рожденія и исхожденія Божескихъ лицъ, св. Григорій выражаетъ свою мысль о будущемъ богопознаніи еще сильнѣе: «когда же домогаешься постигнуть (образъ рожденія и исхожденія), говорить онъ, тогда что оставляешь Имъ самимъ (Рождающемуся и Исходящему), которые, по свидѣтельству Писанія, одни только знаютъ Другъ Друга и Другъ Другомъ познаются (1 Кор. 2, 11), или что оставишь тѣмъ изъ насъ, которые впослѣдствіи будутъ просвѣщены тамошнимъ свѣтомъ? Сдѣлайся прежде чѣмъ либо изъ сказаннаго или подобнымъ тому, и тогда познаешь столько, сколько они познаются Другъ Другомъ. Теперь же единственно учи вѣдать вотъ что: Единицу въ Троицѣ и Троицу въ Единицѣ покланяемую, въ которой и раздѣльность и единство непостижимы» (2). «Хочешь ли со временемъ стать богословомъ и достойнымъ Божества?» спрашиваетъ еще въ другомъ словѣ Богословъ и даетъ такое наставленіе: «соблюдай зановѣди и не выступай изъ повелѣній; потому что дѣла, какъ ступени, ведутъ къ созерцанію... Намъ дано обѣтованіе, что познаемъ нѣкогда, сколько сами познаны (1 Кор. 13, 12). Если невозможно имѣть мнѣ здѣсь совершеннаго знанія, то что еще остается, чего могу надѣяться? Безъ сомнѣнія, скажешь: небеснаго царства. Но думаю, что оно есть не что иное, какъ достиженіе чистѣйшаго и совершеннѣйшаго, а совершеннѣе всего (для насъ) вѣдѣ-

(1) Ч. 3, стр. 33, 147, 239.

(2) Ч. 2, стр. 288, 224.

ніе Бога. Сіе-то вѣдѣніе частію да хранимъ, частію да приобрѣтаемъ въ тамошнихъ сокровищахъ, чтобы въ награду за труды пріять всецѣлое познаніе святаго Троицы, что Она, какова и колика (если позволено будетъ выразиться такъ) въ самомъ Христѣ Господѣ нашемъ» (1). Съ перваго взгляда можетъ показаться, что въ приведенныхъ мѣстахъ св. Григорій допускаетъ совершенное и безусловное постиженіе человѣкомъ существа Божія въ жизни будущей, — такъ сильны его выраженія объ этомъ предметѣ. Но мы еще прежде замѣтили, какъ слѣдуетъ смотрѣть на сильный языкъ св. отца. Притомъ, самъ же онъ замѣчаетъ, что «Божество необходимо будетъ ограничено, если оно постигнется мыслию; потому что и понятіе есть видъ ограниченія» (2), или что «все небесное, а иное и пренебесное, хотя въ сравненіи съ нами гораздо выше естествомъ и ближе къ Богу, однакожь дальше отстоитъ отъ Бога и отъ совершеннаго Его постиженія, нежели сколько выше нашего сложнаго, низкаго и долу тяготѣющаго состава» (3), — и допускаетъ въ блаженномъ созерцаніи, ожидающемъ святыхъ Божіихъ, степени (4), а это несовмѣстно съ понятіемъ о безусловномъ знаніи Бога. И такъ, какъ же понимать вышесприведенныя слова св. Григорія? Чтобы понять ихъ надлежащимъ образомъ, мы должны припомнить, какъ онъ смотритъ на умъ, и обратить вниманіе на то, что онъ говоритъ о состояніи ума въ жизни будущей. По мысли св. отца, умъ нашъ, иѣчто божественное въ насъ, можетъ созерцать Бога непосредственно, зрѣть Его, вос-

(1) Ч. 2, стр. 174 — 175.

(2) Ч. 3, стр. 26.

(3) Ч. 3, стр. 19; снес. стр. 20.

(4) Ч. 3, стр. 33. 275 — 276.

принимать прямо лучъ Божества (1). Въ настоящее время тѣло, будучи грубо, не позволяетъ ему непосредственно видѣть Бога и къ его единичному, цѣлостному взгляду на Бога примѣшиваесть представленія сложности, тѣлесности; но въ жизни будущей оно не будетъ уже служить препятствіемъ уму въ созерцаніи, потому что тогда умъ, въ награду за свое стремленіе къ высочайшему Уму, силою любви соединится съ сроднымъ себѣ естествомъ, и духъ нашъ, послѣ того какъ смертное и преходящее пожерто будетъ жизнію, всецѣло поглотивъ въ себя плоть, сдѣлается съ нею единымъ умомъ и богомъ (2); т. е. въ жизни будущей плоть просвѣтлится и сдѣлается какъ бы совершенно прозрачною, такъ что уму можно будетъ уже прямо зрѣть Бога. Такимъ образомъ, когда св. отецъ выражается, что мы тамъ познаемъ Бога всецѣло всецѣлымъ умомъ; это значитъ, что тогда мы будемъ имѣть на Бога взглядъ единичный, цѣлостный, безъ примѣси представленій сложности и тѣлесности, опредѣляемыхъ воспріятіемъ виѣшнихъ чувствъ. Когда онъ говоритъ, что нѣкогда познаемъ Бога столько же, сколько сами Имъ познаны или сколько Онъ самъ знаетъ Себя, что мы познаемъ образъ рожденія и исхожденія Сына Божія и Духа Святаго, познаемъ Троицу, что Она, какова и колика; этимъ выражаетъ ту мысль, что нѣкогда мы будемъ знать о Богѣ не по силѣ вѣры и не по соображеніямъ разсудка, дѣлающаго большею частію догадки и предположенія, но— непосредственно, будемъ созерцать прямо единого Бога въ Троицѣ — во Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ, подобно тому, какъ зрѣніе прямо и непосредствен-

(1) Ч. 1, стр. 188.

(2) Тамъ же; снес. ч. 1, стр. 263; ч. 4, 229—230; ч. 5, стр. 123.

но воспринимаетъ свѣтъ, хотя въ тоже время онъ остается для зрѣнія необъятнымъ.

И это созерцаніе Троичнаго Свѣта было для св. Григорія предметомъ пламеннѣйшихъ желаній и молитвъ, какъ всегда, такъ особенно подь конецъ его страдальческой жизни. Въ арианскомъ уединеніи, «вдали отъ городовъ и людей, бесѣдуя со звѣрами и утесами, обитая въ ирачной и дикой пещерѣ, въ одномъ хитонѣ, безъ обуви, безъ огня, имѣя ложемъ древесныя вѣтви, постелью жесткую власяницу и пыль на полу, омоченную слезами» (1), вселенскій Учитель питался одною надеждою—скоро узрѣть Бога, и утомленный скорбями жизни, едва переводя дыханіе, исхудалою отъ болѣзней, старости и поста рукою писалъ: «умъ мой былъ громкимъ проповѣдникомъ Троицы, а теперь видитъ предъ собою конецъ. Не приступай же ко мнѣ ты, нечистота! чтобъ мнѣ чистому срѣтить чистые, небесныя Свѣты, когда ихъ озаренія падуть на мою жизнь» (2). «Свѣтозарныя ангелы, неизмѣримымъ кругомъ обстоящіе равночестный Свѣтъ Трисіяннаго Божества, примите недостойнаго Григорія священника!» (3) «Къ вамъ простираю руки, примите меня! Прощай міръ, прощай многотрудный, и пощади тѣхъ, которые будутъ послѣ меня» (4)!

П. Шалфеевъ.

(1) Ч. 4, стр. 308; снес. 323.

(2) Ч. 5, стр. 27—28.

(3) Приб. къ Твор. св. Отц. 1843 г. ч. 1, стр. 72.

(4) Ч. 5, стр. 28.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу: www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru